

Альманах

«Бесконечная история»

I WANT TO
BELIEVE

Александр Свистунов

Альманах
«Бесконечная история»

«Издательские решения»

Свистунов А.

Альманах «Бесконечная история» / А. Свистунов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856938-8

Сборник лучших произведений по итогам конкурса рассказов «Бесконечная история». Здесь вы найдете истории на любой вкус — викторианский детектив, лихой блокбастер в стиле Тарантино, стильный дизельпанк, фантастику об альтернативной Великой Отечественной, блестяще стилизованную под военную прозу тех лет, мрачное фэнтези в декорациях Тридцатилетней войны, истории о героях, призраках и чудовищах. Радость, грусть, дружба, предательство, трусость и героизм — все это «Бесконечная история».

ISBN 978-5-44-856938-8

© Свистунов А.
© Издательские решения

Содержание

Михаил Подеякин	8
Братья Швальнеры	20
Николай Романов	34
Владимир Ромахин	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Альманах «Бесконечная история»

Редактор Александр Свистунов

Дизайнер обложки Андрей Альбрехтов

Иллюстратор Александр Павлов

Иллюстратор Илья Обьедков

Иллюстратор Юлия Романова

© Андрей Альбрехтов, дизайн обложки, 2017

© Александр Павлов, иллюстрации, 2017

© Илья Обьедков, иллюстрации, 2017

© Юлия Романова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-6938-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все великие идеи рождаются спонтанно. Нет, дорогой читатель, твой покорный слуга не поймал звезду в самом начале творческого пути – это утверждение здесь, скорее, для красного словца, ибо идея конкурса, по итогам которого получился сборник, который ты только что открыл, родилась действительно почти случайно.

Разрешите представиться – меня зовут Александр, историк по образованию, журналист по случаю и писатель по иронии судьбы. В одной из прошлых жизней был колдстримским гвардейцем на службе Его Величества короля Англии, и с тех самых пор сохранил неугасающую любовь к треуголкам, шпагам и расшитым галунами мундирам. Именно она и привела меня к тому, чем я занимаюсь – написанию исторического научпопа. Однако в глубине души я всегда хотел попробовать себя в художественной литературе, но до недавнего времени сам же себе отказывал в этом желании.

Все началось с идеи провести конкурс исторической фантастики и фэнтези. Я написал коллеге по историческому цеху, начинающему автору-фантасту Андрею Миллеру, так же известному под псевдонимом Blas Ruiz, и изложил в общих чертах данную идею. Далее был напряженный мозговой штурм – нам нужно было сформулировать концепцию, придумать логотип и название. Мы перебрали множество вариантов, многие из которых были весьма комичными, пока, наконец, не остановились на текущем названии, позаимствованном у знаменитой сказки писателя Михаэля Энде. Так родилась наша «Бесконечная история». Затем был конкурс, который удивил высоким уровнем участников, и лучшие, по мнению самих авторов, произведения в итоге вошли в данный сборник.

Здесь вы найдете истории на любой вкус – викторианский детектив, лихой блокбастер в стиле Тарантино, дизельпанк а-ля Wolfenstein, фантастику об альтернативной Великой Отечественной, блестяще стилизованную под военную прозу тех лет, мрачное фэнтези в декорациях Тридцатилетней войны, истории о героях, призраках и чудовищах. Одни рассказы пощекочут ваши нервы и заставят опасно оглянуться на утопающие в тених углы комнаты, другие, напротив, найдут отклик у самых светлых ваших сторон. Радость, грусть, дружба, предательство, трусость и героизм – все это «Бесконечная история».

Отдельно хочу поблагодарить людей, без которых данный сборник не увидел бы свет: Андрея Миллера – за поддержку моей наивной идеи и помощь в проведении конкурса, Бориса Важнова – за виртуозное обращение со статистическими таблицами и подсчет конкурсных баллов. Также огромное спасибо Алексею Жаркову и проекту «Квазар» – за то, что наша «Бесконечная история» отныне действительно бесконечная, и вас впереди ждет еще много интересных конкурсов и сборников от нас. Благодарю художника Александра Пав-

лова, нарисовавшего иллюстрации для сборника, и дизайнера Андрея Альбрехтова, визуализировавшего наш логотип, который вы видите на обложке.

Ну и, конечно, отдельная благодарность нашим дорогим авторам и читателям, ведь «Бесконечная история» – это вы. Вы – душа, сердце и кровь данного сборника и проекта вообще. Литературное мастерство первых и теплые слова поддержки вторых и создали ту химию, которая дала жизнь удивительной и немного странной сказке под названием «Бесконечная история». Спасибо вам всем.

Александр Свистунов, 14.09.2017

¡Estoy encantado de darles la bienvenida! Разрешите представиться: Андрей Миллер, он же Blas Ruiz, блудный сын Кастилии в каком-то из предыдущих своих воплощений. Более-менее состоявшийся автор исторического научпопа – в области западноевропейского Ренессанса, истории Испании и освоения Нового Света, а также делающий первые серьезные шаги писатель-фантаст.

Читателю уже известно, как родилась идея наших конкурса и альманаха. Она принадлежала Александру, я же сыграл свою роль лишь в качестве человека, уже имевшего хоть какой-то опыт литературных конкурсов. Кривить душой не стану: поначалу не слишком серьезно относился к идее «Бесконечной истории», однако быстро убедился, что она действительно может быть воплощена на должном уровне. Так и вышло.

Конкурс приятно удивил. Мне особенно отрадно было увидеть, что среди его участников оказались как довольно известные писатели, так и абсолютные новички: люди, впервые решившиеся написать настоящий рассказ. Именно такой я и видел задачу проекта: привлечь к исторической прозе опытных авторов, а к литературе – любителей истории, прежде за неё не бравшихся.

Исторический жанр в современной русскоязычной прозе не слишком популярен. В основном, представлен он пресловутой «попаданческой» литературой, которая обладает своими достоинствами (иначе просто не была бы востребована), но всё же – не может в полной мере раскрыть потенциал сюжетов, персонажей, сцен, идей и высказываний, предоставляемых нам прошедшими эпохами.

Как всякий человек, связанный с исторической наукой, я прекрасно знаю: реальная жизнь сочиняет сильнее самых талантливых авторов. Просто невозможно отыскать лучший материал для литературной работы, чем нечто, когда-то действительно происходившее. Но пользуются этим реже, чем хотелось бы. Конечно, историческая фантастика – быть может, и не самый высокий из художественных жанров, связанных с данной наукой. Но для популяризации истории она, пожалуй, подходит лучше всего.

Фантастика легко и увлекательно читается. История является бездонным колодезём идей для литературных произведений. Отличное сочетание, и прошедшие в наш сборник рассказы это наглядно показывают.

На самом деле, хороших рассказов на «Бесконечной истории» было больше, чем вы увидите в этой книге. Но отбор есть отбор, его не могут пройти все – точно так же, как не каждому достанется великая историческая роль. Зато, на мой взгляд, ни одного слабого произведения здесь нет – хоть и не каждый автор (пока что) известен широкой публике.

Мне остаётся присоединиться ко всем благодарностям, уже высказанным коллегой. Без помощи Бориса Важнова нам оказалось бы сложно справиться с организацией конкурса, без Александра Павлова и Андрея Альбрехтова не было бы замечательных иллюстраций и обложки. Наконец, писатель Алексей Жарков, основатель конкурсной площадки «Квазар», дал проекту прекрасные возможности для дальнейшего развития.

Нельзя не поблагодарить и всех участников конкурса: вне зависимости от того, попали ли их произведения в альманах. А также вас, уважаемые читатели, за проявленный

к сборнику интерес! На том заканчиваю свою вступительную речь: время перевернуть страницу, и перейти к рассказам «Бесконечной истории». ¡Disfruta de este viaje por la Historia Infinita!

Андрей Миллер, 15.09.2017

Михаил Поделякин Мгновение счастья

Море. Безбрежное, бесконечное, бескрайнее. Бурное, пенящееся, топящее в себе все. И в то же время спокойное как вечность. Море, погубившее столько людей: храбрецов, сопротивлявшихся стихии до своего последнего вздоха; трусов, проводивших последние мгновения вымаливая прощение у богов, в которых они никогда не верили, или умалявших пощадить их; равнодушных, тех кто давно потерял интерес к жизни, кто даже не двинулся с места при виде беды. Поистине, это море забрало много жизней.

Море боли... И посередине этой жуткой стихии, едва держался на поверхности он сам. Обладатель царского имени, прославленного в веках. Навуходоносор, четвертый этого имени. Нет, врать самому себе нет никакого смысла, особенно теперь. Это имя уже не его, да и было ли, по-настоящему? Он всего лишь Арах, простой урарт, не имеющий к царям Вавилона никакого отношения. И если бы он не покинул родные горы...

Море не давало забыть о себе. Его вновь накрыло волной мук, столь сильной, что он широко распахнул глаза.

Невидящим, как казалось столпившемся на площади людям, взором он окинул пространство перед собой. Главная площадь Вавилона, величайшего города мира. Его города. Вдали видны грандиозные зиккураты и стены богатых домов и дворцов. Опустив взгляд, он натолкнулся на толпу людей в паре полетов стрелы от него. Сотни и тысячи людей понуро стояли под палящим солнцем, раскалявшим плиты, которыми была вымощена Эриду. Чуть позади остальной толпы, на высоком помосте, сидело около сотни людей, разительно отличавшихся от стоявших внизу. «Персы» – не приглядываясь понял Арах. Роскошь их одежд была видна даже отсюда. «Знатнейшие кровопийцы страны. Пришли посмотреть на поверженного их усилиями врага. Разумеется, многие из них лично сражались против нас. Теперь все мы корчимся здесь, а они посмеиваются над нами оттуда». Он попытался повернуть голову, чтобы разглядеть товарищей, но не смог. Тело отозвалось такой болью, что на глаза выступили слезы, которых он уже перестал стыдиться. Стыд подобает человеку значительному. Оборванцу вроде него нечего стыдиться.

«Все-таки долгое пребывание в положении насаженного на кол неподалеку от соратников, подвергнутых такой же участи приносит определенную пользу. Ты избавляешься от гордыни и иллюзий, они как шелуха сходят с тебя, обнажая сердцевину, стержень, то что ты представляешь на самом деле. Все напускное, надуманное исчезает, истает, как бы ты не хотел сохранить это. Очищение болью позволяет переосмыслить свою прошлую жизнь.»

«После очищения все ошибки прошлого как на ладони. Он нынешний ни за что не допустил бы их. Он нынешний сделал бы все совсем иначе, а многого не сделал бы вовсе. Мысли невольно устремлялись к тому дню, с которого начиналось это проклятое восстание. Как бы он хотел вернуться туда и все изменить. Лишь несколько шагов в сторону и его жизнь спасена. Я никогда бы не испытал и тысячной доли тех мук, что испытываю сейчас» – думал Арах.

– Но и не познал бы пьянящий вкус силы и власти...

– Чего стоит власть хоть над всем миром, если она кончается на колу?

Этот внутренний спор, однако, лишь вернул его мысли к тому памяtnому дню. Он почувствовал, как в который раз, за последнее время, воспоминания подхватывают его и уносят в некое подобие сна, где он раз за разом переживает заново события последнего года. Только возможность так сбегать от реального мира, переставая ощущать острый наконечник,

вонзающийся все глубже, жалкий остаток былой мощи, сдерживала подстегиваемое болью подступающее безумие, скорее всего уже наступившее его товарищей.

«Солнце уже заходит, а до этого поганого городишки еще фарсах, не меньше» – думал молодой простолюдин, явно урартской внешности, сидя на закорках телеги, запряженной понурым, еле переставляющим копыта ослом.

Видимо придется искать ночлег где-то тут, ворота скоро запрут и в город до утра уже не попасть. Урарт Араха, хотевший попасть в Ур по торговым делам, с неудовольствием огляделся вокруг себя.

Выжженная, а сейчас остывающая пустошь, лишь в некоторых местах покрытая мелкими колючими кустарниками – не самое приятное место для ночлега. После получасовых поисков удалось найти небольшой холмик, вокруг которого трава была не столь жесткой как в иных местах. Обходя холмик в поисках наиболее удобного места для сна Араха заметил крупный, размером с два кулака, камень, лежавший в ложбинке у подножия. Самым необычным в этом камне был его глубокий черный цвет. Весь камень был покрыт сеткой каких-то трещинок, белеющих на фоне темной поверхности.

Урарт нагнулся и поднял камень, чтобы получше рассмотреть. В его голове сразу закрутились мысли о возможной выгоде, в виду явной неординарности находки.

Вблизи стало ясно, что то, что он принял за трещинки на самом деле было мельчайшими клинописными значками. Они располагались многочисленными линиями, пересекавшимся между собой и образующими прихотливые узоры. Арама не был грамотен, так что мог лишь догадываться, что означают эти символы.

Покрутив камень в руках, урарт также заметил, что тот имеет на удивление ровные края и почти идеальную цилиндрическую форму. «Надо будет показать этот камень знакомым жрецам, когда наконец доберусь до города» – подумал он, сунув камень в широкий карман своего одеяния. Через пару минут его уже настиг крепкий сон.

Проснулся он от того, что все его тело было залито водой. Ещё не открыв глаза, он уже почувствовал, что Земля стала неестественно жесткой, а воздух ужасно затхлым. Широко распахнув глаза, Араха приподнялся, собираясь осмотреться и застыл.

Он находился в душном, неосвещенном месте, с потолка которого постоянно падали капельки воды, барабана по каменному полу. Когда глаза привыкли к темноте, стало ясно, что он находится в пещере, густо усеянной сталагмитами.

В детстве Араха любил лазать по горным пещеркам. Несмотря на запреты отца и просьбы матери он частенько сбегал из дома и проводил долгие часы, исследуя горные каверны, стараясь залезть как можно дальше. Однако эта пещера отличалась от виденных им в детстве.

Во-первых, она была очень глубокой и запутанной. Ее «потолок» едва просматривался далеко наверху, а судя по тому, что сверху почти не проникало света и не было видно звезд, к ней вели сложные подземные ходы, отделявшие ее от земной поверхности.

Во-вторых, эта пещера была как будто пропитана ужасом. Ему доводилось бывать в пещерах настолько огромных, что там гуляло эхо, и в настолько тесных, что он с трудом пролезал в них. Однако, какой бы не была пещера, здравомыслящий и невозмутимый Араха никогда не боялся находиться там, несмотря на многочисленные рассказы о горных призраках, жутких чудовищах и прочей ерунде, которая, если верить старикам, жила в любом мало-мальски необычном месте. Здесь же поджилки урарта постыдно тряслись, его разум как будто парализовало. Все мысли исчезли из головы, оставив лишь одну.

Где я?

Постепенно разум стал возвращаться. Надо решать, как выбираться отсюда. После долгих и тщательных поисков удалось обнаружить ход, выводящий из зала, где он сейчас нахо-

дился. Но хорошее на этом не заканчивалось. Этот ход, к тому же, вел наверх, что давало надежду. Неужели мне удастся так просто выбраться? И как же я все-таки сюда попал? И правда, как? Почему я только теперь задал себе этот вопрос? Удивляясь сам себе урарт продолжал уверенно двигаться вверх.

Спустя четверть часа его уверенный подъем был остановлен жутким ревом, раздавшимся снизу, из той пещеры, которую он недавно покинул. Значительно ускорившись в подъеме Араха старательно убеждал себя, что этот звук скорее всего является просто результатом каких-то местных подземных катаклизмов, например, падения огромного валуна.

Несмотря на усталость и напряжение он не мог не заметить, что в подземном коридоре стало гораздо светлее. Скорее, еще чуть-чуть... Нервы переставали выдерживать, он не мог выкинуть из головы звук, гораздо больше похожий на жуткий рев, чем на скрежет камней.

Тем хуже ему стало, когда звук повторился, только на этот раз уже гораздо ближе. Теперь звук раздался явно сверху, прямо оттуда, куда так старательно двигался урарт. «Это всего лишь камни, там никого нет» – твердил Араха, продолжая пробираться наверх.

Внизу вновь прогремел рев, такой силы, что затряслись стены туннеля, и посыпались камешки с потолка.

Обезумев от страха, Араха понесся вперед. Голова была как в тумане, весь мир сузился до просвета в конце коридора.

«Никогда больше, осяду в городе, никаких ночевок вне стен» – зарекался горец. Спотыкаясь, падая и вновь вскакивая, он все-таки добрался до источника света. Покинув коридор, он вылетел в просторный зал, освещенный двумя факелами огромных размеров.

В помещении почти не было ничего кроме факелов, только в дальнем левом углу лежал огромный булыжник, с как будто покрытой гравировкой поверхностью. Впрочем, единственное, чье наличие интересовало урарта в этом зале, он никак не мог найти.

«Где же тут выход?» – думал он, ощупывая стены в поисках тайной лазейки, так как открытого хода видно не было. Но ведь кто-то же зажег здесь факелы, значит сюда можно пробраться и отсюда можно выбраться.

Внезапно, как будто прямо у него под ухом прозвучал оглушающий рев. От неожиданности Араха отскочил от изучаемой стены почти до середины зала. Повернув голову туда, откуда раздался звук он ожидал увидеть что угодно – от огромной дыры в стене и раскопавшихся гигантских камней до дикого льва. Однако, чудовище, представшее его глазам, было львом лишь отчасти.

Наполненное силой львиное тело, которое, как не мог знать никогда не видевший львов Араха, было больше обычного по меньшей мере вдвое, являлось, впрочем, лишь нижней и наименее необычной частью тела существа. Несмотря на звериную шею, туловище, лапы и хвост, голова у твари была человеческая, хоть и куда более крупная чем даже у самого громадного верзилы. Лицо из-за своей строгой, точеной красоты и отсутствия каких-бы то ни было эмоций казалось маской. Только глубокие, невероятного фиолетового цвета глаза пристально смотрели прямо в человеческие, буквально парализуя урарта. Все это великолепие венчали огромные крылья, напоминающие крылья наиболее прекрасных и величественных горных орлов, не раз виденных Арахой.

Он так и не мог отвести взгляд от жутковатого существа, пока оно не раскрыло рот, обнажив четыре ряда способных разгрызть даже камень зубов и вновь издав, как теперь казалось, кровожадный рев. Араха, забыв обо всем бросился бежать к тоннелю из которого пришел, не отдавая себе отчет о том, что ждет его внизу.

Впрочем, оно сразу же напомнило о себе само. Как только несчастный приблизился, прямо из прохода на него выпрыгнул другой монстр, отчего человек повалился на пол, из-за резкого торможения и одновременно попытки бежать назад. Несмотря на чудовищный

испуг, нельзя было не заметить, что второе чудище отличалось от первого. Оно было наделено телом гигантского быка, что, впрочем, не делало его менее жутким на вид.

Создания стали обступать человека, он отступал. Это продолжалось, пока он не уперся в почему-то теплую стену помещения. Он осел к стене и в чудовищном напряжении смотрел на приближающуюся угрозу, силясь придумать хоть какой-то путь к спасению.

Храбрость и выдержка отказали ему, когда твари подошли на расстояние согнутой руки, и воздух наполнился их запахом, отдаленно напоминающим кассию, густо намешанную с вонью орлиного помета. Чувствуя, как его стремительно покидают силы, будто бы высасываемые кем-то, урарт осознал бесполезность и просто невозможность сопротивления. Единственное, что ему оставалось это молиться.

Несмотря на детство, проведенное в Урарту, не обошедшееся без религиозных наставлений отца, говорившего о великих богах их народа, единственным богом, которого знал Араха был Мардук, покровитель города Вавилона. Всего раз довелось доводилось побывать там, однако одного этого было достаточно. Город настолько поразил тогда еще совсем молодого паренька, что он даже удосужился поинтересоваться в честь кого возведено самое величественное здание в городе. Служитель храма даже рассказал ему о статуи бога, располагавшейся на верхних этажах зиккурата, недоступной для простых смертных, как и для большинства жрецов.

И сейчас Араха старательно вспоминал все, что он знал о молитвах, направленных к верховному богу. Он не знал правильных слов и оборотов, и потому лишь умолял бога облегчить его путь в Темном царстве. Дай мне сил пройти семь врат и, изгнив, наконец обрести покой. Пусть разум мой не помутится и пусть я не сойду с Пути. Взываю к тебе, о великий Мардук!

«Твое смирение похвально, хотя и преждевременное» – загремел в голове невероятно сильный и глубокий голос на идеальном аккадском. Будто бы тоже услышав этот голос, крылатые твари отступили и расселись по двум дальним углам, как послушные псы, аккуратно сложив крылья и опустив голову. Третья стена помещения начала рябеть, подобно воде, а затем начала таять. Когда она исчезла совсем, в зале появилась, опираясь на диковинный посох с набалдашником в виде драконьей головы закутанная в глухой черный балахон фигура. Наиболее примечательной ее чертой был огромный рост. Новоприбывшее существо было вдвое выше совсем не низкого Арахи.

Оно повернулось лицом к человеку и отбросило капюшон. Он никогда не видел этого лица, однако по какому-то таинственному наитию сразу понял кто перед ним. Он, простой смертный простолюдин родом из далекой Урарту находился в каком-то десятке шагов от величайшего из вавилонских богов, творца мира и победителя бесчисленных чудовищ, грандиозного Мардука.

И так еле державшийся на ногах, он рухнул на колени перед сущностью, обладающей невероятным могуществом и снизошедшей до него, услышавшей его отчаянные молитвы.

– Поднимись, человек, и слушай, я не оставлю задаваемые тобой самому себе вопросы без ответа. Пещера, в которой ты очнулся, тоннель и этот зал, все это – мое логово, одно из самых укромных мест этого мира, находящееся на такой глубине, что сам ты ни за что не сумел бы найти отсюда выход, как не смог бы никто другой из смертных. Разумеется, ты попал сюда, в тайник бога, неслучайно. Это было необходимо дабы подвергнуть тебя испытанию, которое ты выдержал. Прохождение этого испытания подтверждает, что ты подходишь для моей цели. Я мог бы легко заставить тебя сделать что угодно, но на то, что от тебя требуется можно согласиться лишь добровольно, в противном случае это не имеет смысла. Ты необходим мне, чтобы вернуть то, что принадлежит мне по праву, то что крали и продолжают красть у меня пришлые выскочки и их жалкие прихвостни из местных. Голос бога дрожал от плохо скрываемой ярости.

– Ты возглавишь мои армии и будешь убивать за меня, а я поделюсь с тобой частью моей силы, дарую богатство и огромную, невыразимо приятную власть. Готов ли ты исполнить это?

– Я... Я, разумеется если это Ваша воля я сделаю все, что прикажете, но разве нет более достойных слуг для Вас – великих воинов, отчаянных храбрецов, знатных вельмож, ведь я обыкновенный торговец, порой даже не чистый на руку... Почему я?

Мардук едва заметно покачал головой, а затем в одно мгновение оказался прямо перед Арахой и коснулся его лба указательным пальцем правой руки, на котором ярко горел перстень из цельного топаза, размером с детский кулак.

Перед Арахой начали мелькать картины и ощущения, сменяя друг друга с огромной скоростью, и все же он успевал в деталях прочувствовать их все.

Мардук рыдает, стоя перед грудой тел. Его семья, все остальные боги, все они погибли, погибли вместе с вавилонским войском. Он не пришел на помощь, посчитав что все решится без него, не снизойдя до смертных. И недооценил врага и вражеских богов. Его месть будет страшна.

Персидская армия, входящая в Вавилон через главные ворота, особо выделяется обоз армии, где среди обычных повозок находится два огромных, окованных металлическими листами воза, передвигаемых усилиями четырех закованных в кольчуги слонов.

Две больших стройки в разных частях древнего города – на востоке и на западе. Возводятся внушительные крепости, с могучими цитаделями, укрытыми за тройным кольцом стен. По одному из огромных возов въезжает в каждую из крепостей.

Глубоко под городом, в своих чертогах, беснуется Мардук, чувствующий отток сил и жуткую боль от чужеродной, хитро запрятанной и защищенной магии, которую он слишком долго не замечал. Проклиная свое бессилие, он уходит из города. Он чувствует, как то, что помещено в крепости персидскими магами напитывается силой молитв и жертвоприношений, предназначенных для него. Его перехитрили, он попался в сети и вновь проиграл.

Видения изменились, стали более яркими. Подсознательно Араха понял, что это видения возможного будущего, а не прошлого как ранее.

Он стоит перед открытыми воротами города, во главе собственной армии. Городская знать выказывает ему покорность.

Он уничтожает персидский гарнизон, захватывая немалую добычу. Войско кричит его имя.

Он стоит на холме, обозревая подступы к Вавилону и чувствует небывалую силу в своем теле, в самой его глубине, кажется, что он способен на все.

Сознание и ощущение реальности происходящего вернулось к нему, лишь когда он, неведомо как, оказался неподалеку от холмика, где погрузился в сон. Он оглядел себя, однако не обнаружил каких-либо существенных изменений. Он не стал мускулистым силачом, или гладкокожим красавцем. Внешне он остался прежним. Никто, кроме него самого не мог почувствовать тот испепеляющий жар, который исходил из его сердца. Никто не мог прочитать его новые, роящиеся в мозгу мысли. Некий второй разум поселился в голове Арахи вместе с его собственным. И этот новый разум был силен и властен. Он желал власти, богатства. Но более всего он желал крови. Легкой, пружинистой походкой человек, еще недавно бывший простым торговцем двинулся к городу.

Внезапно, путь ему преградили двое всадников, одетых в одинаковые глухие балахоны, скрывающие лица. Незнакомцы спешили и обступили его.

– Что вам нужно?

Ответа не последовало. Вместо него они вынули из складок плащей короткие акинаки, судя по цвету лезвия, пропитанные ядом. Казалось бы, Араха должен был испугаться, однако место страха заняла жгучая, нечеловеческая ненависть. Разум нарисовал наглядную картину

того, как эти двое мучительно корчатся, разрываемые изнутри, и наконец падают замертво. А затем, это воплотилось в явь. Огонь в груди на секунду потух, зато оба противника с утробными стонами повалились на землю, выпустив клинки из рук. Спустя пару мгновений они были мертвы. Араха потрясенно смотрел на их тела. Его новая сила все сделала за него. И потрясение сменилось упоением. Упоением новой мощью, возносящей его выше, чем он мог представить даже во сне.

Вдалеке виднелись крепкие стены Ура. Однако теперь уаргт смотрел на них не как житель, радующийся надежной защите. Он оценивал их как завоеватель. Ведь он принял заманчивое предложение верховного бога.

От размышлений его оторвал Умар, командир разбойничьего «войска» арабов, прибывшего к победоносной армии восставших. Естественно, освобождение Вавилонии и подрыв могущества персов волновал их не больше, чем песок под ногами, однако о богатствах далекого Вавилона, даже в пустынях Аравии, знал каждый.

– «Мои люди просят разрешения отлучиться на пару часов. Будет ли это позволено?» – с сильнейшим акцентом проговорил «пустынный вождь». Чувствовалось, что столь вежливая форма общения для него непривычна, как и сама необходимость спрашивать разрешения на что-либо. Впрочем, коктейль из жажды к вавилонским богатствам и страха перед могущественным вождем восстания, которого араб не мог даже назвать человеком, заставлял менять привычки и поступаться комфортом.

Араха огляделся вокруг. Армия маршировала мимо бесчисленных поселений, лепившихся вдоль рукотворных каналов, настоящих сосредоточений жизни в пустынной Месопотамии. Из небольших кирпичных домиков на армию испуганно глядели тысячи людей. Несмотря на пламенные речи, произносившиеся глашатаями восставших, лишь немногие выходили из домов, чтобы поприветствовать освободителей. Они опасаются вполне обоснованно. Здешним богатым крестьянам есть, что терять. А молодчики, вроде людей Умара, если им позволить, разорят их деревни подчистую, заберут их женщин и прикончат всех несогласных. И это не получится объяснить военной необходимостью.

– Нет, мы не воюем против крестьян. Наша цель Вавилон, и вы получите то, что вам причитается, когда город падет. Но не раньше. Так что умерьте свой пыл и отправьте вперед разъезды, мне необходимо знать, имеются ли вне стен города какие-либо гарнизоны.

Сжав зубы, Умар молча кивнул, и, взнуздав верблюда, направился к остальным всадникам.

Араха вновь погрузился в воспоминания. Всего за несколько месяцев восстание разрослось от двух сотен проходимцев, захвативших власть в Уре, до громадного десятитысячного войска. После первого успеха к ним присоединилось всего пятьсот человек. После разгрома персидского гарнизона в соседнем Уруке их было уже две тысячи, и они завладели всей южной Вавилонией. Затем был Ниппур, где после речи, произнесенной Арахой с вершины зиккурата, к ним присоединилось по меньшей мере пять тысяч. Финальным аккордом было взятие Борсиппы, после которого восстал весь север, истребив оставшиеся гарнизоны персов. Вавилон оказался в кольце. На следующий день предстоит штурм.

Подступающая к городу армия остановилась лишь после захода солнца. Лагерь развернули вблизи стен, но на расстоянии достаточно далеком, чтобы избежать обстрела со стен ночью. Скопление палаток окружили разъездами дозорных, однако это не было единственной мерой предосторожности. По всему периметру лагеря в землю были воткнуты покрытые клинописными значками мотыги, отстоящие друг от друга на полстадии. Большая часть войска считала это причудой предводителя восстания, несколько не возражая против нее, так как Араха уже не раз продемонстрировал свою значимость и весомость всех своих поступ-

ков. Именно его неожиданная команда изменить маршрут спасла большую часть марширующей вдоль Евфрата армии от смерти, когда река совершенно внезапно вышла из берегов, затопив все в четырех стадиях вокруг. И так высокий авторитет Арахы подскочил до небес. Восставшие решили не искать нового правителя для Вавилонии в древнем городе, они собрались короновать своего лидера.

Лагерь отошел ко сну. Все старались набраться сил для завтрашнего штурма. Многие не могли справиться с волнением, и несмотря на необходимость в отдыхе, тихо переговаривались с соседями по палатке. Не спалось и предводителям войска.

Умар, сидя в своем расшитом золотом шатре в окружении наложниц, воображал, как он распорядится своим новым богатством, в обретении которого он не сомневался ни на секунду.

В соседнем шатре правая рука Арахы, человек с ассирийским именем Шумун, также не спал. Шумун присоединился к восстанию еще в Уре, где продемонстрировал выдающиеся способности разведчика и диверсанта, недаром он хвастал, что его далекий предок служил в «особых полках» ассирийцев. Несмотря на сомнительность этого заявления, лазутчиком он был превосходным. Весь день он размышлял о возможности подкопа под стены великого города и заброски туда лазутчиков, способных открыть ворота восставшим, или хотя бы указать им на слабые места крепостной стены. Несмотря на то, что Шумун один из немногих в армии был свидетелем применения «чародейства» Арахой, он не верил, что его способности сгодятся для штурма города, защитники которого, как сказал Араха, сумели связать руки самому Мардуку. Шумун всегда скептически относился к богам и к их существованию, как и к способности помочь людям. Однако, как прагматичный человек и использующий любую возможность человек, он не мог отрицать того, что видел в Уре, а затем в Уруке. Араха действительно был способен убить силой мысли, он действительно зажег огонь из ничего и предугадать опасность. Но хватит ли у него сил открыть врата Вавилона?

Этим же вопросом задавался на своем ложе и сам Араха, вновь и вновь прокручивая в голове все возможные варианты штурма. На подкоп попросту не хватит времени, не стоит забывать, что персы наверняка уже готовят карательную экспедицию. Если обходные пути вроде открытия ворот изнутри не удадутся, он обязан будет попытаться открыть войску путь своими силами. Он не может отправить войска на почти самоубийственный штурм прежде, чем испробует все иные пути, только из-за боязни, что горожане не примут колдуна на трон. Он привычно потянулся к силе, доступной ему теперь. Она привычно отозвалась, огонь в груди вспыхнул сильнее обычного. Завтра ему понадобится исполинская мощь. Думая об этом, Араха провалился в сон.

Звук трубящего рога, возвещающий о побудке, для войска был подобен рыку жуткого зверя, что не отменяло необходимости, после торопливого приема пищи, занимать позиции для штурма. Вскоре, ровные квадраты готовых к бою людей, выдвинулись к Вавилону.

Уже к полудню Шумун констатировал, что хоть как-то проникнуть в город на данный момент не представляется возможным ни для кого, исключая Араху, чье отсутствие в войсках неизбежно снизило боевой дух, а кроме того оставило бы бойцов беззащитными перед гипотетическими чародеями противника. Отправив командиров на позиции, Араха около получаса молча сидел в шатре, опустившись на колени, собирая всю силу в единый кулак, вбирая ее в самое свое существо. Наконец он поднялся, откинул полог шатра и уверенно, не смотря по сторонам двинулся прямо к городским воротам, напротив которых было сосредоточено войско. К Царским воротам, единственным воротам города не посвященным какому-либо божеству.

Как только он оказался на расстоянии полета стрелы от городских стен, ливень снарядов обрушился на него. Морщась, из-за необходимости тратить хотя бы толику накоплен-

ной мощи, он представил мощный порыв ветра, отправляющий стрелы обратно и воплотил его в реальность. После эффектной демонстрации силы он обратился к защитникам стен, усилив свой голос до поистине громового: «Я предоставляю вам последний шанс сдаться и открыть ворота народу Вавилонии, за что вы будете вознаграждены жизнью. В противном случае, ни один перс, или их пособник не доживет до следующего дня». Ответом было улюлюканье и плевки.

Араха оглядел город, правда не обычным зрением. Его глубинный взгляд, еще один дар Мардука позволял видеть чары, сотворенные врагами. Вавилон был ими переполнен. Они образовывали в городе сложную конструкцию, напитывая мощью в равной степени все ворота, главную городскую цитадель и, конечно, две величественных крепости, расположенные по краям великого города. Все ворота были соединены сложными каналами силы, позволявшими перебрасывать ее на нужный участок. Невозможно было определить откуда истекала сила и разрушить источник, хитросплетения и переходы надежно скрывали это даже от него. Однако в этом и заключался главный минус системы. Она была сложной, многогранной и совершенно неустойчивой. Ни одну ее часть нельзя разломать грубой силой, но можно обрушить всю систему, просто совершив сверхсильный толчок.

Араха вообразил себе огромный кулак, направленный на сферу, каковой являлась эта магическая система, а затем он разжал кулак и выбросил воображаемую руку вперед. Мягко, осторожно, и в то же время, вкладывая в это все имевшиеся у него силы. Он широко распахнул уже настоящие, человеческие глаза и узрел результат.

Стены города ощутимо затряслись и начали осыпаться. Из глубины города раздался жуткий скрежет, а затем оглушающий грохот и звук падения. Башни, удерживавшие силу, предназначенную Мардуку, по-видимому рухнули. И уже оседая на землю, чувствуя сногсшибающую усталость, Араха увидел, как створки ворот, перенасыщенные силой, лопнули, открывая проход мятежным войскам.

Подняться он сумел, лишь когда войска действуя согласно ранее отданному распоряжению, начали просачиваться в город через ворота. Отряхнувшись, он медленно побрел вслед за войском. Главное успеть восстановить хотя бы толику сил, на случай если чародеи противника оправятся, и, напоследок, захотят все-таки достать его.

Тем временем в городе уже шла напряженная битва, складывавшаяся явно не в пользу обороняющихся. Весь «добровольческий» гарнизон города стремительно покидал поле боя, или сдавался в плен. Персидская же часть обороняющихся была слишком малочисленна, а кроме того деморализована и растеряна, из-за столь быстрой потери всех чародеев. Их сопротивление было окончательно сломлено спустя четверть часа. Уцелевшие персы бросали оружие и пытались скрыться. В плен к восставшим, о чьей ненависти к персам ходили легенды, не собирался никто.

Умар ликовал. После того, как его войска, будучи авангардом армии, сокрушили персов, никто больше не мог препятствовать им в занятии любимым делом. Грабежом.

Они не останавливались около домов простолюдинов, не пытались штурмовать закрывавшие перед ними створки массивных ворот зиккураты. Вместо этого, они во весь опор неслись к видневшимся вдалеке дворцам, утопающим в зелени и, конечно же, роскоши. Умар не мог сдержать радостного предвкушения.

Шумун, спешившись, шел рядом с Арахой по улице павшего им в руки города. Араха явно чувствовал прилив сил, кроме того он не скрывал своей радости в связи с полным разрушением двух цитаделей. Понимая, что войска неизбежно начнут грабить город, Араха позволил им это, однако под страхом сурового наказания приказал воздержаться от насилия по отношению к простым горожанам. Кроме того, он повелел войскам в обязательном порядке собраться следующим утром, на площади перед бывшим царским дворцом. Сей-

час же, двое друзей и, по совместительству, предводители крупнейшего восстания в Вавилонии, со времен Шамаш-шум-укина, спокойно, никуда не торопясь, направлялись к зиккурату Эсагила. Это был главный храм Вавилона, посвященный божественному покровителю города – победителю Тиамат, творцу Мира, великому Мардуку.

Когда они наконец дошли, солнце уже заходило. Оперевшись на стену зиккурата, сейчас запертого наглухо, Араха и Шумун терпеливо ждали, постоянно оглядываясь по сторонам. Впрочем, момент его появления они все равно пропустили.

На этот раз он не был гигантом в два человеческих роста, однако глухой балахон и посох с причудливым набалдашником были по-прежнему при нем.

Как по команде Шумун опустился на колени, только сейчас уверовав окончательно, Араха последовал ему примеру лишь на мгновение позже.

«Приветствую вас, друзья» – раздался низкий грудной голос, из которого так и сочилась сила и власть.

«К Вашим услугам, владыка» – торопливо выпалил Шумун. Араха лишь ниже склонил голову.

– Ваши заслуги поистине весьма сложно переоценить, и я многим обязан вам, однако есть дела, не терпящие отлагательств. Когда ты планируешь возложить на себя корону?

– Завтра с утра я буду говорить речь перед войском, после этого и произойдет коронация, одобренная всеми солдатами и большей частью народа.

Было совершенно ясно, что это не пустое бахвальство, Араха действительно знал, что он будет коронован.

– Хорошо, до завтра подождать можно. Сразу после этого ты должен будешь вновь созвать армию для боя, чтобы она была готова к отражению персидской угрозы. Как ты наверняка понимаешь, беспрецедентная по размерам и силе карательная армия персов уже движется по направлению к Вавилону. Я уверен, что им уже известно о том, что ты сделал с их переплетением чар, в этот раз они подготовятся гораздо лучше. Хорошо, что ты не истратил мои дары для штурма, они крайне пригодятся в предстоящем сражении. Победить будет очень непросто, и я буду сражаться, подвергаясь не меньшей опасности, чем обычный солдат твоего войска, хотя противники у нас будут принципиально разные.

Мардук внезапно накрепко вцепился в посох, однако уже через пару мгновений придя в себя.

– Как давно я не испытывал этого чудесного чувства... Сила людских молитв и приношений наполняет меня, а ведь я еще не собрал ее всю, разлитую над городом, после разрушения артефактов, забиравших ее у меня. Пожалуй, мне пора. Получи корону, собери всех, кого сумеешь и выдвигайся в поле, мы примем бой в открытую, не укрываясь за стены. Позволить взять себя в осаду было бы большой ошибкой. Наши чары сильны, но их можно использовать лишь один раз, персы же способны легко устроить нам ад, если мы дадим им достаточно времени на подготовку заклятий. Нам понадобится вся людская храбрость и даже больше.

После этих слов, в воздухе обозначилась едва заметная винтовая лестница, по которой Мардук стал с завидной прытью подниматься, стуча посохом. Если бы Араха мог видеть лицо бога, он бы заметил на нем кровожадную, полную ненависти ухмылку.

Прямо под ним, казалось, ворочалось исполинских размеров создание, каким-то чудом попавшее на дворцовую площадь Вавилона. Оно было покрыто мелкими, постоянно шевелящимися чешуйками, которые никак не могли успокоиться. Его войско, люди которых он привел в древний город, подняв из самых низов. Но не только они. Большая часть толпившихся сейчас внизу относилась к простым горожанам, хоть и жившим в великом городе, но ничем не примечательным. И их отношение к нему не было столь восторженным. Это чувствовалось даже отсюда, с вершины примыкающего к старому царскому дворцу зикку-

рата. О, они не имели ничего против него как их царя, какая разница ремесленнику, кто берет с него деньги: военачальник с неясным прошлым и царственным именем, или персидская марионетка, выполняющая приказы начальника гарнизона Ахеменидов. Однако, в этом то и крылась причина их неприязни к Арахе. Им было безразлично, кто ими правит, однако его правление неизбежно втянуло бы их в самоубийственную схватку со всей Персией, что чревато в лучшем случае материальными издержками, а в худшем – жизнью. И их можно понять. Будь прежний Араха вавилонянином, он поступил бы так же. Вряд ли их можно переубедить, ведь только для него победа в этой войне будет что-то значить. И это что-то стоит того, чтобы проливать за него реки своей и чужой крови. Это что-то – власть. Абсолютная и незамутненная. Нельзя давать волю своим мыслям, сейчас он должен говорить совсем о другом.

Он вскинул руку вверх, и толпа начала затихать. Когда наступило молчание, Араха подошел к самому краю небольшой каменной площадки, на которой стоял. А затем, он начал говорить. Он говорил, о необходимости вернуть былое величие древнейшему городу на земле, говорил о борьбе против персидских собак, поганящих священную землю своим присутствием, говорил о необходимости выбрать правителя, который сумел бы эффективно направлять эту борьбу. И когда речь закончилась, вся площадь, в едином порыве кричала его имя, которое, однако почти сразу начало тонуть в выкриках другого имени, которое должно было заменить старое. Толпа ревела, и весь город содрогался от ее рева.

– НАВУХОДОНОСОР! НАВУХОДОНОСОР! ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТОГО ИМЕНИ!

Араха возвел глаза к небесам, шепча одно и то же слово: «Да».

Оперевшись о стену зиккурата, новоиспеченный царь Вавилона рыдал. После купания в лучах славы его как будто с головой окунули в ядовитое болото. Все его существо заполнилось обездвигивающим, убивающим отчаянием. Все, происходившее с ним с момента встречи с Мардуком было лишь одной гигантской иллюзией.

Войско, во главе которого он собирался противостоять персам, растаяло при первом известии об их приближении, и наличие двух с половиной тысяч добровольцев никак не могло решить проблему. У него попросту не хватило бы людей даже выдержать осаду, которую бы саботировала большая часть города, не говоря уж об открытом бое с противником. Энтузиазма избравших его царем хватило лишь на крики на площади. Большинство вавилонян не собирались биться за свой город, а те, кто были к этому готовы почти не имели амуниции и оружия.

Впрочем, не это было главной причиной страданий человека, почувствовавшего вкус невероятной власти и могущества и в один миг лишившегося всего.

Он был жестоко и расчетливо обманут Мардуком, показавшим ему душераздирающие картины смерти своих божественных родичей. Душераздирающие и лживые. Единственной проблемой Мардука, о которой он не соврал была потеря силы, которую он теперь вернул. Как только вся она оказалась вновь при нем, он прибыл к ошеломленному и растерянному, из-за потери армии, Навуходоносору. Однако целью его визита было не столько желание сообщить человеку о своем обмане, сколько жажда скорее вернуть назад частичку самого себя, отданную Арахе. После того, как сила истекла из человека до последней капли, бог не замедлил испариться, оставив урарта наедине со своими, теперь абсолютно невыносимыми страданиями.

Все дороги к спасению были перекрыты. Он не мог сбежать из города, так как горожане не могли допустить, чтобы нагрянувшие персы обвинили их в укрывании мятежника. Единственный маршрут, по которому он мог сбежать из города – это дорога ведущая на север, по которой как раз марширует персидская карательная армия. Кроме того, побег ничего

не даст ему, ведь его будет несложно догнать, а приметная внешность не даст ему затеряться среди простолюдинов.

Ему оставалось только выбрать себе смерть. Главное не попасть в плен, потому что в таком случае он умрет лишь тогда, когда этого захочет пыточных дел мастер и таким образом, как он этого захочет.

Значит остается выбрать между самоубийством и смертью в бою. Лучше уж второе, быть может он даже погибнет на эмоциональном подъеме, забыв обо всем, что столь сильно отравляют его душу и разум.

Он нашел в себе силы подняться. Утерев слезы, стараясь разжечь в себе внутренний огонь, не из чар, но из первобытной злобы и чудовищной ярости, он двинулся к лагерю, где располагались остатки армии восставших.

Когда он дошел, на горизонте показалось персидское войско, стремительно приближающиеся к городу.

Воспоминания отхлынули, обнажив острые камни прежней боли, ставшей, кажется, еще более невыносимой. Разумеется, они проиграли. Разумеется, персы уничтожили их всех до единого. Уцелела лишь та немногочисленная часть войска, которая, несмотря на все попытки этого избежать, попала в плен и теперь была нанизана на колы.

Один из пленников, находившихся за спиной Араху, истошно завопил и начал захлебываться кровью. Ответом его крику, отразившемуся от камней, которыми была вымощена площадь, стал глумливый хохот, раздавшийся с высокой трибуны. Ненависть наполнила урарта, однако почти сразу отступила перед отчаянием из-за нового приступа боли.

Араху, добавок к боли, охватило чувство абсолютной безысходности. Он понимал, что еще несколько бесконечно долгих, мучительных дней он будет жить, он еще не раз увидит своих мучителей и не раз услышит их злорадствующий смех. И никакое чудо не вытащит его из этого кошмара.

«Будь вы прокляты! Будьте вы все прокляты! Эти люди, что пришли поглазеть на мои муки, эта площадь, которая будет последним, что я увижу в жизни! Будь проклят весь этот нечестивый, трусливый город, предавший меня! Будь проклят предатель Мардук! Проклинаю их всех! ВСЕХ!»

— К следующим новостям. В ходе вооруженных столкновений на юге Ирака была обнаружена огромная пещера, являющаяся наиболее глубокой из известных на данный момент. Согласно предварительным данным, полученным в ходе осмотра пещеры, ее глубина достигает порядка 3 000 метров.

— В ходе исследования недавно обнаруженной на юге Ирака пещеры, произошел взрыв. Один человек погиб, более десятка получили тяжелые ранения. Погибший возглавлял группу американских геологов, прибывшую для изучения грандиозного географического объекта. Причина взрыва устанавливается. Основная версия экспертов — залежи взрывоопасного газа.

— Ужасные новости продолжают приходить из южной части Ирака. Группа из двенадцати исследователей, в полном составе, стала жертвой внезапного обвала, произошедшего в недавно обнаруженной пещере Гугал, которую неофициально уже нарекли «кровавой». Причины обвала пока не установлены. Напоминаем, что это уже не первый трагический инцидент, имевший место при исследовании пещеры. Неделий ранее из-за взрыва залегающего там газа, погиб глава геологической группы, десять его подчиненных получили тяжелые травмы и до сих пор находятся в тяжелом состоянии. Многие заявляют о мистическом

характере происшествий и даже предполагают, что пещера является местом обитания древнего монстра, или инопланетной цивилизации.

– Силы союзников были вытеснены с территории южного Ирака, в ходе масштабного наступления террористической организации ИГИЛ (запрещена в РФ). Министерство обороны, во время официальной пресса конференции сообщило, что ВКС РФ готовы оказать коалиции всестороннюю поддержку на территории Ирака, если это потребуется.

– Грандиозных масштабов взрыв произошел на подконтрольной исламистам территории, в районе пещеры Гугал, являющейся наиболее глубокой в мире. Это связывают с обнаруженными там археологическими находками, ради уничтожения которых, по-видимому, был совершен подрыв. По словам экспертов, даже то недолгое время, которое было отведено на изучение находок, позволяло говорить об их сенсационности. Напоминаем, что боевики ИГИЛ (запрещенной в РФ) уже не раз разрушали исторические памятники, возраст многих из них достигал сотен и даже тысяч лет.

К другим новостям...

Братья Швальнеры Рю

Как же славно знойным, засушливым летом, по обыкновению в этот год спустившимся к подножью Фудзиямы, дожждаться вечера, чтобы с такими же ронинами собраться в заброшенном кафе в старом Токио и играть в хяку!¹ Каждый из нас разодет под самурая времен сегуната Токугава и у каждого в руках свеча. Вот уж сумерки постепенно заволакивают окрестности столицы, и мы рассаживаемся на стульях, аккуратно расставленных вокруг тускло пылающего андона, держа в руках свечи. Каждый рассказывает свой квайдан – городскую легенду, от сюжетов которых стынет кровь в жилах даже выдавших виды игроков, – а после его свеча задувается. И так – по кругу, пока заброшенное кафе вовсе не погрузится во тьму. По традиции, напоследок оставляется самая страшная история. Сегодня ее расскажет Такеши-сан.

– И что же вы хотите услышать?.. Ну да ладно. Его звали Рю. Дракон. Он происходил из древнего самурайского рода Нагаёси, отличившегося при защите сегуната в середине 16 века. Как известно, в ходе реставрации Мэйдзи самураи почти совсем ушли в прошлое, и клан его обеднел. Отец... не помню, кажется что-то там проворовался по службе, и совершил сеппуку. Мать торговала рыбой в Синдзюку и почти выбивалась из сил, чтобы обеспечить ему воспитание и образование. Испытывая постоянную нужду, как-то раз, еще будучи школьником, он совершил кражу, и попал под суд.

В то самое время в Синдзюку был один-единственный адвокат – Орихара Сёку – да и тот уже переезжал в Эдо, поскольку среди клиентов его завелись богачи из якудзы. По счастью мать Рю, Иоши, застала его в Синдзюку в его последний рабочий день...

– Здравствуйте, Орихара-сан, – низко поклонившись, сказала она. – Меня зовут Нагаёси Иоши, я вдова потомка семьи Нагаёси... Если, впрочем, Вам это о чем-то говорит.

Окончивший на «отлично» университет адвокат Орихара хорошо знал историю своей страны, и такая фамилия не могла проскользнуть мимо его ушей, оставшись незамеченной.

– Конечно, подвиг клана Нагаёси по защите сегуната в середине 16 века – это наша история, – Орихара ответил посетительнице поклоном с большим уважением. – Но что привело Вас ко мне? Чем я могу помочь представительнице столь знатного рода?

– Хоть род и знатный, – отвечала она, – но мы давно обеднели. Реставрация принесла нам одни печали. Много поколений до моего мужа просто не находили себе места в жизни, да и муж не стал исключением. Он совершил сеппуку 15 лет назад, и с тех пор мы с сыном живем практически на грани. Я ткала холсты и тем жила, а он учился в школе... Учился хорошо, как и все его предки. А сегодня я узнала, что он совершил кражу на рынке и теперь его хотят судить. Я пришла просить Вас о помощи, чтобы Вы приняли на себя его защиту.

– Я готов помочь знатному роду, так много сделавшему для моей родной Японии.

– Вы не должны давать обещаний раньше времени. Я была у многих адвокатов, и все они отказывались помочь, узнав, что у нас мало денег, и я не смогу заплатить столько, сколько платят другие клиенты при обычных схожих обстоятельствах!

– Иоши-доно, меня не интересует в данном случае вознаграждение. Я готов бесплатно помочь тем, чей предок не дал нашей стране погибнуть в лапах кровожадного безумца Харумото!..

¹ Хяку моногатари квайданкай – игра, в ходе которой рассказчики рассказывают друг другу пугающие истории в традиционном японском стиле.

Суд был тяжелым. Доказательств вины юноши собрано было предостаточно, да он и сам не отрицал своей причастности. Когда Орихара в разговоре с ним убеждал его солгать, чтобы избежать тяжелой ответственности, он горделиво отпирался – все-таки, потомок самурайского рода! Суд назначил ему два года тюрьмы.

Орихара извинился перед клиенткой, но она, как и ее сын, была очень спокойна и сдержанна в эмоциях. После этого в Синдзюку его больше не видели, а дорога Йоши никак не лежала в Эдогаву – что там делать бедной ткачихе и торговке?

Прошли годы. У адвоката родилась дочь Йоко. Поступила она учиться в университет и в один из дней, возвращаясь с учебы, остановила рикшу – подвезти. Внимание Йоко привлек высокий и статный юноша, загорелый, с роскошной черной шевелюрой, спадающей на плечи и глазами огненного дракона, чей блеск случайно задел ее лучом из-под широкополой шляпы – наподобие таких, в которых раньше ходили самураи.

– Куда хотите, госпожа? – скромно спросил юноша, стараясь не поднимать глаз.

– В Эдогаву, пожалуйста.

Йоко взгромоздилась в неудобную повозку, на которых прежде никогда не ездила, и парень, держа поводья тележки сильными руками на уровне своих бедер, бросился бежать по вымощенной камнем дороге что было сил.

Они ехали так минут пять – сил у юноши все не убавлялось, хотя путь предстоял еще приличный и ему следовало бы отдохнуть. Она хотела было сказать ему, чтобы он сделал паузу – человек не может так долго бежать, не сбавляя темпа, да и пожалеть себя надо, думала она, но грохот несущихся мимо конок и трамваев заглушал ее негромкий голос. Юноша ничего не слышал.

Солнце заходило. Йоко смотрела на своего возницу. Сейчас только она разглядела его стать, рост, сильные плечи и руки, изрытые вздутыми от перенапряжения венами. Кожа его была бронзового цвета – от постоянной работы под открытым небом ее коснулся суровый загар. Гладкие, шелковистые черные волосы лишь краешком виднелись из-под шляпы, укрывавшей его голову от палящего солнца.

Йоко тронула его плечо.

– Не беги так, мне страшно!

– Не стоит бояться, я хорошо знаю свое дело!

– И все же, прошу, перейди на шаг. Мне жаль тебя.

Гордый юноша покраснел и опустил глаза.

– Прошу, не унижайте меня. Я всего лишь рикша, но у меня есть свое достоинство.

– О, – Йоко скромно поднесла ладонь ко рту, – я вовсе не хотела тебя обидеть, я лишь сказала, что хочу, чтобы ты передохнул немного. Ты же не лошадь!

Он улыбнулся ее шутке.

– Отдыхать я не стану, а вот уменьшить шаг могу.

– Хорошо и это.

Дальше они ехали медленнее.

– Как тебя зовут? – чтобы убить время, спросила Йоко.

– Рю, – ответил парень.

– Рю... – процедила она. – Это означает... дракон? Почему? Почему родители дали тебе такое имя?

– Я родился девятнадцать лет назад – в год земляного дракона!

– Надо же, – всплеснула руками Йоко. – Я тоже родилась в тот год, первый год Мэйдзи.

– А Вас как зовут?

– Меня зовут Йоко, но... мне кажется, ты можешь обращаться ко мне на ты, мы ведь ровесники.

– Мне, полагаю, это не позволено. Вы живете в Эдогаве, судя по одежде, учитесь в университете, а я всего лишь рикша.

– Наша страна вступила в великую эпоху с нашим с тобой рождением, и с предрассудками ей не по пути, так что оставь свои причитания.

Юноша снова улыбнулся.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она.

– Не каждый день встретишь такого веселого пассажира.

На этот раз расхохотались оба.

– А что касается того, что я живу в Эдогаве, то это ничего не значит. Мы переехали сюда, когда мне был один год – приехали из Йокогамы. Отец учился и много работал – в итоге стал адвокатом, и только несколько лет назад, когда я уже заканчивала школу, мы купили дом в Эдо.

– А мой отец умер, когда мне был год...

– Прости.

– Вам не за что извиняться.

– Мне, может, и не за что, а вот для тебя такой повод явно скоро сыщется – мы же договорились на ты...

В такой милой беседе прошло еще двадцать минут. Собеседники не заметили, как оказались у ворот дома адвоката Орихары в Эдо.

– Спасибо тебе, – протягивая ему деньги, улыбнулась Йоко.

– И тебе. Я буду рад, если встречу тебя еще когда-нибудь...

Йоко улыбнулась ему и упорхнула.

Вечером, оставшись вдвоем в девичьей спальне, дочери адвоката – старшая Йоко и младшая Юми – болтали о чем-то и слушали доносившееся из таяны пенье камышовки.

– Ты, кажется, познакомилась с рикшей?

– А ты, кажется, никак не поймешь, что не надо совать свой нос во все дела, что тебя окружают? Лучше бы думала о школьной успеваемости.

– Я и так о ней думаю, могу я хотя бы в каникулы отдохнуть?

– Так у вас каникулы... не знала...

– Ну так что?

– Что?

– Он рикша? И он тебе нравится?

Йоко окинула сестру взглядом и поняла, что она не успокоится, пока не услышит утвердительного ответа.

– Да, но это ровным счетом ничего не означает. Мне еще и император наш нравится, и что с того?

– Перестань, я в другом смысле. Он нравится тебе как мужчина?

Йоко подсознательно вернулась к вечернему разговору с Рю. Ей против ее воли вспомнились его черты лица, его смуглая кожа, жесткий взгляд карих глаз – такой взгляд носили самураи, в нем была одновременно сила, и защита; умение наводить страх и сводить с ума от влюбленности. Она вспомнила, как его сильные руки держали поводья тележки, как быстро он бежал и с какой неподдельной гордостью отвечал на ее колкости. Она улыбнулась.

– Вот уже и улыбаешься, – захихикала сестра.

– Кто улыбается?

– Что за глупости?

– Посмотри в зеркало.

Йоко подошла к трельяжу – и впрямь улыбка красовалась на ее юном девичьем лице.

– Ты знаешь... – задумчиво произнесла она, – что «Рю» означает дракон?

– Так значит, его зовут Рю?..

- Дракон... – Йоко словно не слышала вопроса сестры.
- Фу, – хмыкнула Юми, – драконы все страшные. Я в сказках читала.
- Нет. Он прекрасный дракон. Огнедышащий прекрасный дракон.

А после была ночь, и девушки сладко почивали в объятиях Морфея. А в это время Рю, высокий юноша в лохмотьях, шел мимо дома адвоката. В неурочный час – поздно ночью, когда на улице из прохожих оставались только пьяницы да дворовые собаки. Он остановился у ворот и посмотрел в окна – кругом было темно. Он стоял так долго, минут двадцать, пока наконец дремота не овладела им и не приказала возвращаться домой, далеко отсюда, на другой конец Токио.

Утром Йоко отправилась на учебу, а после вновь спешила к стоянке рикшей.

– Рю.

Словно на молитву откликнулся на ее зов парень – но это был не тот, кого она искала.

– Вы ищете Рю?

– Да. Вы не знаете, где он?

– Его мать больна, и сегодня он не сможет прийти. Но если Вы что-то передадите ему, я обязательно скажу.

– А где он живет?

– Он живет в Синдзюку, далеко отсюда. Да и район там такой, что Вам, барышня, пожалуй, лучше там не появляться, – хохотнул парень.

– Да, пожалуй ты прав, – пробормотала Йоко. – Тогда вот что. Скажи ему, что приходила Йоко и чтобы он...

Она замялась.

– Чтобы он что?

– Нет, ничего. Просто скажи, что приходила Йоко... Хотя, в общем, ничего не говори.

Весь вечер ей было грустно, и уснуть она толком не могла. Попила воды, вслушалась в песню камышовки за окном. Но внезапно птичка замолчала – Йоко поспешила на улицу, чтобы посмотреть, в чем причина тишины. Она вышла в сад и... увидела перед собой Рю. Поначалу она едва не потеряла сознание от представшей перед ней картины. Рю стоял посередине сада, под цветущей сакурой и держал камышовку на ладони. Опуская маленький клювик в сжатую ладонь парня, певчая птичка пила оттуда воду.

– Ты... – еле слышно произнесла Йоко.

– Ты искала меня?

– Что за вздор? Кто тебе сказал?

– Разве об этом обязательно говорить? Разве нельзя почувствовать?

– Ты почувствовал что-то?

– Наверное, не пришел бы, если б не почувствовал.

– Что же именно?

– Самураю не пристало распространяться о том, что у него в душе.

– И все же, если ты стоишь здесь, значит, что-то есть?

– Определенно.

Она подошла ближе и погладила птичку, беспечно сидевшую в руке парня.

– Как тебе удалось ее приручить?

– Я и не думал об этом. Лишь позвал ее, чтобы напоить.

Оба замолчали. Йоко ждала какого-то действия или хотя бы слова от него, но он, как назло, ничего не делал и не говорил.

– Я нравлюсь тебе? – наконец спросила она напрямую.

– Ты чудесна как весенний цветок – самый прекрасный из всех, что я когда-либо видел.

– И? Что из этого следует?

– Что ты пытаешься вытянуть из меня слова...

Йоко взволновалась.

– Зачем ты пришел? Уходи.

Она повернулась к нему спиной и собралась идти в дом, когда вдруг рука парня коснулась ее плеча.

– Что? Что тебе?

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Сказать, что Йоко была не готова к такому повороту событий – значит, ничего не сказать. Естественно – сначала он стоит здесь и ничего толком не говорит, хотя знает, что она искала встречи с ним и вообще он всецело владеет ее мыслями, а потом вдруг такое!

– Что я должна ответить?

Она смотрела в глаза юноши, и ей казалось, что она уже принадлежит ему. Принадлежит как дорогой красивый меч, как исключительная по изяществу эбонитовая статуэтка, как украшение, как деталь, как вещь прекрасного во всех отношениях воина.

– Наверное, согласиться?

– Да, но как же мои родители? Они будут против. Твое происхождение и вообще...

– О моем происхождении лучше бы тебе не говорить.

И он рассказал ей знатную историю своего рода и того, как, с легкой руки императора Мэйдзи, остался этот род неудел. А после спросил: – Что ты сама думаешь о моих словах? Пусть твое решение будет зависеть от воли твоего отца, но ты, твое отношение ко мне? Или я зря пришел сюда?

Йоко посмотрела в глаза дракона своими влюбленными карими угольками и прошептала:

– Конечно, не зря.

Юный самурай старался сдерживать эмоции, но у него плохо получалось – он весь покраснел и опустил глаза. Птичка вспорхнула с его руки и улетела. Что же спугнуло ее? Это была Йоко, приблизившаяся к юноше и привставшая на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку, а потом упорхнуть, подобно птичке, оставив Рю под сенью цветущей ягоды.

Каждый вечер Рю забирал Йоко и отвозил ее домой. Правда, теперь, чтобы лишний раз не попадаться на глаза отцу, ему приходилось высаживать ее на соседней улице и долго смотреть ей вслед.

В редкие минуты встреч они разговаривали обо всем на свете — о природе, о любви, о самураях. Эту тему Рю любил особенно – теперь у Йоко не оставалось никаких сомнений в том, что он действительно потомок знатного рода. Слушая его рассказы, она словно бы мысленно переносилась в далекие времена периода Муромати, сегуната Асикага, в которые посчастливилось жить его знаменитому предку – Миёси Нагаёси, вошедшему в историю как человеку, короновавшему сегунов.

В один из дней Йоко решила поговорить с отцом обо всем, что случилось между ней и Рю. Ответ его был предсказуем – конечно, глава семейства был в гневе. Он вспомнил юношу, которого защищал от суда много лет назад, но забыл те отблески достоинства и порядочности, что жили в его душе в грязном Синдзюку и начисто испарились в богатой и дорогой Эдогаве. Ответ юного самурая был один...

– Ты и вправду думаешь о смерти?

– Да. Так заканчивается путь самурая. И начинается другой – в ином мире.

– Тогда я уйду вместе с тобой.

Руки Рю похолодели – к такому исходу он не был готов. Он дорожил этой тян больше всего на свете, и никак не желал для нее смерти.

– Но... почему?

– Потому что жена самурая следует за ним везде и всюду. Я готова умереть с тобой.

В ту ночь стены старого дома в Синдзюку были увешаны белыми шелковыми тканями – благо, их было много в доме Йоши. Сами влюбленные оделись в такие же белые синисо-дзоку.

На полу разложили белые циновки, а поверх них еще полоски из белого полотна. В двух углах – крест-накрест – стояли андоны, еще в двух – свечи, чтобы лучше видеть. Здесь же, недалеко от освещенных мест, стояли на подставках изречения из священных книг, изложенные на красивых холстах красивыми, ровными иероглифами.

Пододвинув письменные принадлежности, он сделал несколько мазков кистью на белом холсте – на глазах Йоко появилось красивейшее, как ей казалось, из всех стихотворений, что читала она за свою жизнь.

*Двое влюбленных
Нашли друг друга поздно —
Всеми вышел срок!*

Она смахнула слезу с век.

Он положил перед ней короткий дзигаи, а сам взял в руку кусунгобу. Она взглянула на мечи в последний раз. Она думала о том, что никому не известно, что же там, после смерти, никто не знает, что именно ждет каждого из нас за пределами земной жизни, и вполне может статься, что они не встретятся там и не суждено им быть вместе. Так стоит ли идти на такие жертвы сейчас?..

Рука, державшая рукоять кусунгобу, двинулась в районе живота юноши – там, где запаховало белое кимоно, дважды – сначала слева направо, а затем сверху вниз. Но Йоко не видела этого – те несколько секунд, что он сидел рядом с ней на циновке, склонив голову, показались ей вечностью.

Вскоре она пришла в себя – не прошло и получаса, хотя ей казалось, что прошла вечность. В испуге она осмотрелась – в происходящее трудно было поверить, но факт оставался фактом. Мертвый Рю лежал на полу, вытянувшись во весь рост и спокойно закрыв глаза – так, словно спит после суетного дня. Йоко подскочила с места. Мышцы ее были словно скованные, но она сделала усилие над собой – и секунду спустя была на улице. Как оглашенная, не помня себя, бежала она вдоль грязных улиц Синдзюку в надежде убежать от самой себя. Страх не позволял ей понять то, что будет потом мучить ее в течение нескольких лет – стыд перед своей слабостью. Стыд перед любимым. Стыд обмана и предательства.

...Прошло пять лет. Позади были эти страшные воспоминания. Позади была, казалось целая жизнь. После самоубийства Рю Сёку отвез ее в Киото – купил там дом и открыл практику куда более успешную, чем была у него в столице. Дом был больше и красивее дома в Эдо, который, правда, так и не получилось продать – никто не давал достойной цены, а продешевить адвокату не хотелось. Он не был стеснен в средствах и потому мог содержать два приюта для своей семьи.

Как-то в летний день Йоко шла от модистки, где примеряла новое платье. Солнце светило ярко и играло всеми лучами на отливе ее алого кимоно. Путь предстоял неблизкий, а по такой жаре идти пешком было довольно тяжело. Она подошла к сидевшему на корточках рикше. Он держал в руках газету, которая полностью закрывала его лицо.

– Мне нужно в Нидзе, уважаемый, – сказала она.

– Хорошо, госпожа...

Голос показался ей знакомым. Рикша отнял от лица газету. Она оцепенела. Ей прямо в душу с до боли знакомого лица смотрели яркие, карие и такие мертвые глаза Рю!

...Она не помнила, как добралась до дома – рикша исчез в ту же минуту, как и появился, но усомниться в том, что это был Рю, настоящий, живой, она не могла. За вечерним чаем

Йоко почти не отвечала на вопросы и все больше смотрела на Юми – сестра достигла того самого возраста, в котором пребывала Йоко, когда они с Рю повстречались. Ей думалось, что у этой девочки как раз сейчас начинается самая яркая полоса в жизни, полная интересных событий и волнительных переживаний. Ей, должно быть, так же открывается мир любви... Йоко вспомнила, как они секретничали по ночам в их доме в Эдогаве, вспомнила их разговоры о Рю... Вечером, когда стемнело, а Йоко никак не могла уснуть, сестры решили прогуляться по тянине в этих поистине королевских по красоте местах.

– Послушай, – начала Йоко, – а тебе нравится какой-нибудь юноша в университете?

– Я еще не думаю об этом.

– А я, если помнишь...

– Помню. Только воспоминания не очень хорошие.

– Согласна. Если быть честной, они до сих пор не отпускают меня.

– Я понимаю. Смерть любимого – тяжелое испытание, и последствия его могут не отступить на протяжении многих лет.

– Я не об этом.

– А о чем?

– Мне кажется, что все еще продолжается...

– Но ведь Рю мертв!

– Нет!

Глаза Юми вспыхнули огоньком ужаса.

– Что ты говоришь?! Ведь папа присутствовал на его похоронах.

– Знаю. Но, по-моему, я видела его недавно в Киото...

– Как такое возможно?

– Сама не пойму. Я шла от модистки и встретила его. Клянусь тебе, это лицо, этот взгляд, этот голос... это был он!

– Миражи... Должно быть, жара на тебя дурно влияет!

– Я сначала тоже так подумала, но сегодня снова встретила его в центре. Я побежала за ним и хотела догнать, но не смогла. Я очень прошу тебя – не говори ничего родителям. Ты знаешь, как тяжело им далась вся эта история тогда, пять лет назад...

– Конечно. Обещаю.

Снова ложь во спасение. Юми слишком любила сестру и беспокоилась за нее, чтобы вот так просто оставить все как есть и никому ничего не сказать. Нет, это было выше ее сил – ведь она никогда не простила бы себе, если бы знала о беде, в которую попала Йоко, но ничего не предприняла.

Это Йоко поняла уже на следующий день, когда, оставшись наедине с ней, отец после завтрака начал ее в буквальном смысле допрашивать:

– С тобой все в порядке?

– Да, мне уже лучше.

– А по-моему, тебе еще очень плохо. Тебе все эти пять лет очень плохо! И я знаю, кто всему виной! Рю!

– Что Вы говорите, Сёку-сан? – Йоко повинно опустила глаза и так испугалась, что стала разговаривать с отцом на Вы.

– Я говорю то, что вижу. А вижу я, что ты снова страдаешь. И снова – он всему виной. Скажи мне, где и когда ты встретила его?!

Она молчала, но отец был непреклонен.

– Где и когда вы встречались?!

Отпираться было бесполезно.

– Несколько дней назад и вчера, в центре.

– И это был он?

– Да.

– Ты уверена?

– Да.

– Что ж, тогда знай и передай ему – если он не умер тогда, я помогу ему умереть сейчас.

Клянусь!

Вечером следующего дня Сёку-сан принимал в тясицу одного из своих клиентов – устраивать с ними риндзитяною стало для него доброй традицией еще со времен Эдогавы: он был немного кичлив и любил демонстрировать как свое богатство, так и следование японским традициям. Закончив церемонию, он проводил гостя и вернулся в тясицу, чтобы вдохнуть дивный аромат, что источали распустившиеся фиалки – казалось, надышаться ими он не сможет до самой смерти!

Вдруг позади себя он услышал грохот – стоявший у входа андон свалился и пламя из него перекинулось на ширмы и холсты, висевшие тут же на стенах! Сёку бросился было тушить их, но стоило ему подбежать к выходу из домика, как знакомая до боли фигура, сжимавшая в руке вакидзаси, показалась в дверном проеме. Он подошел ближе – и обмер. Этого не могло быть!

– Ты?! Ты здесь?! Что ты здесь делаешь?!

Договорить он не успел – резкий взмах вакидзаси рассек его горло от уха до уха. Попятившись назад, Сёку упал, свалив стол и все чайные принадлежности. Закричать он не мог, а издаваемого им грохота не было слышно в доме – он стоял далеко от тясицу, который к утру выгорел практически дотла...

В это самый момент Йоко дома не было, хотя домашние не знали о ее отсутствии. Она бродила по окрестностям Нидзё, в густых зарослях вечнозеленых сосен, и вдыхала их умиротворяющий запах. Ей становилось тепло и спокойно здесь – вдали как от города, так и от треволнений, захвативших их дом последние дни. И чем темнее на улице становилось, и чем глубже заходила она в чашу леса, тем спокойнее себя ощущала.

Вдруг у дальнего оврага она увидела чью-то фигуру в кимоно, хакама и самурайской шляпе. Она вздрогнула – видеть здесь кого-то, а тем более в такой час было для нее делом не привычным.

– Кто здесь? – спросила она.

Путник обернулся. И снова она увидела перед собой Рю.

Но нет – на этот раз она решила не поддаваться обману так легко. Она зажмурилась и стала бить себя по щекам; быть может, случайно заснула под сенью этих удивительных хвойных деревьев и все это только кажется ей.

Ошиблась. Открыв глаза, она снова увидела своего возлюбленного в красивом кимоно с мечами на поясе. Осторожно, едва ступая по сухому валежнику, стараясь не шуметь, чтобы не спугнуть ту иллюзию, которой так дорожила, она на цыпочках подошла к нему и коснулась его шелковой одежды рукой. Он улыбнулся. Она ощутила его тепло – снова, как тогда, когда они шли по грязному Синдзюку, в их последний вечер. Ей трудно было поверить в то, что происходило сейчас – да она к этому и не стремилась. Вед чем больше она обо всем этом думала, тем менее реалистичным ей казалось происходящее.

– Ты здесь... Что ты здесь делаешь? И как...

Он дотронулся указательным пальцем до ее губ. Она прикрыла веки и поцеловала его ладонь. От нее по-прежнему веяло тем же теплом и той же любовью, которую этот юный рикша дарил ей пять лет назад. Далеких пять лет назад...

... -Я должен сказать тебе что-то, что не говорил прежде... Я люблю тебя.

– И? Что же из этого следует?

– Только то, что ты слышала.

– А разве раньше я не знала об этом?

– Возможно, но я не говорил этого, хотя от тебя слышал много раз.

– Почему же ты не говорил об этом прежде?

– Потому что самураю негоже делать или говорить что-то под влиянием эмоций. А чтобы разобраться в истинности чувств, должно пройти время. Только оно сможет ответить на вопрос, действительно ли это любовь или просто страсть, охватившая двоих внезапно и так же внезапно оставляющая своих жертв.

Когда она открыла глаза, его уже не было. Но вместо грусти ей почему-то овладело спокойствие и безмятежность, каких она не знала все эти годы. Она была твердо уверена теперь, что он вернется, и ей не придется больше лить слезы или беспокоиться о будущем. Почувствовав невероятную усталость, она присела под сосной и вскоре забылась здесь же детским, безмятежным сном до самого утра.

Утром она вернулась и с ужасом узнала о смерти отца. Но еще больший ужас доставило ей то, что смерть Сёку-сана не так занимала ее мысли, как встреча с покойником. Чтобы прояснить все сомнения, она решила отправиться к шаманке.

Она жила в подвале многоквартирного дома в Ямасине. Подвал являл собой затхлое, грязное, отталкивающее место, терпко окурненное ладаном.

– Позвольте войти, Химики-сан?

– Входите, коль пришли, – скрипучий старый голос был скверным приветствием. Йоко поморщилась – все здесь пугало и отторгало.

В воздухе стоял запах непрестанно воскуриваемого ладана. По углам стояли статуэтки тезки хозяйки жилища – богини Химики, которой поклонялись все синто. Под низким потолком были протянуты веревки, на которых тоже висело какое-то тряпье – несвежее, грязное, оно говорило о том, что жизни здесь нет. Несколько свечей освещали небольшую комнатку – оттого здесь вечно царил полумрак, что днем, что ночью.

Слепая хозяйка сидела за столом перед большим и пыльным шаром, изнутри которого исходил искусственный свет. Она курила трубку и перебирала свои замшелые грязные волосы. Зубов у нее не было, казалось, отродясь, что ничуть не смущало ее – она улыбаясь «глядела» своими белыми слепыми зрачками на вошедшую девушку и складывалось впечатление, что видела ее черты – она не отводила от нее взора, словно бы так же была заморожена ее красотой, как многие видевшие ее мужчины. В руках она вертела эбонитовую статуэтку – такую же, какую сегодня принесла с собой Йоко. От буравящего слепого взгляда дочь адвоката чувствовала себя хуже обычного, ей хотелось заплакать и поскорее убежать отсюда. И все же отыскивала слова, чтобы рассказать все слепой старухе, которая слышала и видела куда лучше, чем все зрячие. И попросить о том, чтобы она совершила синикути – обряд воскрешения мертвеца, когда дух его спускается на землю и словно бы живет среди людей.

– Ты уверена в том, что хочешь этого?

– Да, – не раздумывая, ответила Йоко. Тут она поймала себя на том, что всякий раз, когда думает или заговаривает о Рю, ей овладевает жар, кровь приливает к лицу, решимость и резкость наполняют ее члены, она становится подобна одержимой.

– Хорошо. Синикути будет сделан. Сегодня вечером он придет к тебе.

После ужина Йоко заперлась в комнате и стала мысленно возвращаться к событиям сегодняшнего дня и разговору, когда позади себя, у самой входной двери услышала до боли знакомый голос:

– Йоко... Йоко!

– Любимый, – прошептала она. Глядя на него, она видела всю его прежнюю статью, всю его тогдашнюю красоту – белое кимоно без следов крови, уложенные в самурайскую косичку волосы на голове, катана и вакидзаси на поясе, а главное – взгляд. Карий, теплый, но такой отчаянный и дерзкий, какие встречаются только у самураев.

– Где же...

Он не дал ей договорить, поднеся палец к ее губам.

– Не сейчас. Не спрашивай ни о чем. Мы ведь оба этого очень хотели, не правда ли?

– Конечно.

– Так давай отпразднуем наше воссоединение так, как мы всегда мечтали. Теперь никто нам не помешает, никто не станет между нами...

Утром Йоко, не в силах сдержать радость, решила рассказать о ней и Рю матери.

– Я ничего не понимаю... – Сора смотрела на дочь как на умалишенную. И, возможно, следовало бы так ее и определить, если бы не ужасающая правдоподобность всего, что она говорила.

– Он приходит ко мне время от времени. И я хочу связать с ним свою судьбу. А перед этим полагается познакомиться с родителями невесты...

– Господи Боже! Что ты такое говоришь? Ты намерена жить с призраком? Ведь всем же понятно, что он не существует! Да и потом – кровь отца на его совести, твоя сломанная жизнь, моя, жизнь Юми – все это на его совести! И после всего этого ты собираешься связать с ним судьбу, а прежде хочешь ввести его в наш дом? Как прикажешь понять тебя?!

Йоко ничего не ответила.

Сора посмотрела на дочь и ужаснулась – настолько искренне она говорила, настолько сама верила в реальность происходящего. Сердце подсказывало ей, что остался только один выход – обратиться к богам.

Она опрометью бросилась в пагоду и отыскиала там священника, который мог провести обряд изгнания злого духа.

– С помощью Амитаюса, Будды Вечной Жизни, я введу в свое сердце божественную эссенцию. Затем возьму алтарную священную воду и окроплю ей ваш дом и вашу еду, чтобы навсегда отвести злого духа. Мне нужно, чтобы сегодня ночью все вы были дома. Я сделаю это втайне от нее, и уже утром она даже не вспомнит о том, что было с ней накануне.

– Я все приготовлю, как Вы просите. Жду Вас сегодня же ночью.

Вечером Сора готовилась к приходу священника. Юми не находила себе места. Спокойна была только Йоко, ни о чем не подозревавшая и сидевшая взаперти у себя в комнате, как обычно по вечерам.

Дверь в комнату еле слышно отодвинулась. Она улыбнулась. Она знала, кто может прийти в эту минуту.

– Йоко, – раздался до боли знакомый шепот.

– Любимый... Неужели мы наконец будем вместе...

– Мы уже вместе...

– Но нам хотят помешать...

Он обнимал ее, их губы соприкасались, руки сплетались в одну витиеватую линию, их захватывал жар – такой, что не пристал покойнику, такой, что любого живого способен зажечь как спичку, как факел, спалить дотла в пламени страсти...

– Но что же мы будем делать?

– Не волнуйся, я обо всем позаботился...

На улице бушевала гроза. Летние грозы были в Киото частым явлением, но сегодняшняя была похожа на страшную бурю. Священник с трудом пробирался сквозь чащу леса, решив сократить путь от пагоды до дома Орихара. Ветки лезли ему в лицо, валежник хрустел под ногами, а сам он, взбираясь на холм, все время скатывался вниз, но шел к цели упорно. Вдруг сзади послышались громовые удары шагов – так, будто ступал великан или со скалы падали огромные камни, величиной с город. Сжав в руке четки и замерев от страха, священник обернулся. Огромный, величиной с дом, призрак в образе самурая стоял перед ним. Гробовым голосом он произнес:

– Не стой на пути самурая!

Священник закричал – латник выше его на пять голов был ужасен настолько, что служитель потерял дар речи. К жизни его вернул лязг меча. Катана появилась на свет божий из ножен на боку вассала. Священник с ужасом наблюдал за происходящим, пока огромный самурайский меч не сверкнул над ним и не обрушился на его несчастную голову, рассекая ее пополам. В момент удара сверкнула молния и снова раздался гром. Что-то ужасное творилось в Киото, и никто уже не мог это остановить!..

Этим вечером Юми обнаружила в тенике возле дома змею. Никогда раньше она не видела здесь змей, да и во время жизни в Эдо не приходилось ей видеть этих тварей. Движения ее были плавны и неспешны... Зрелище было прекрасное, и Юми наверное так и смотрела бы на нее до самого утра, не в силах пошевелиться – но не из-за страха, а из-за причудливости происходящего, – если бы Сора не позвала дочь в дом.

За ужином Йоко сообщила присутствующим неприятную новость о том, что умерла Химико. Сора упростила Йоко отправиться к ней и сделать все, чтобы Рю больше не возвращался в их дом, но дочь нашла в подвале в Ямасине лишь труп шаманки.

– Господи, что же нам теперь делать? – взмолилась Сора, воздев руки к небу.

– Это значит, что он теперь вечно будет здесь?

– Нет, это значит, что он будет среди нас до тех пор, пока не выполнит своей главной миссии...

– Йоко, – мать повернула лицо в сторону старшей дочери. – Ты должна немедленно прекратить всякие встречи с ним!

– Но как я могу это сделать? Ведь он сам приходит ко мне, я не зову его!

– Однако почему-то он приходит именно к тебе, а не ко мне или к Юми. Значит, между Вами существует магическая связь. И ты должна, ты просто обязана разорвать ее!

– Я не могу, – пробормотала Йоко.

– Что?! – гнев Соры она видела второй раз за последние пять лет. Первый раз был тогда, на могиле отца. – Как ты смеешь так разговаривать?! По твоей милости мы потеряли отца и теперь мы все в опасности, а ты заявляешь, что и дальше будешь встречаться с этим негодяем!

– Не говори так! Не называй его негодяем, это неправда!

– Кто же он в таком случае?! Перестань мне перечить! Если я еще раз узнаю, что он был здесь... – Сора закашлялась и отвернулась.

– Что тогда? Что тогда случится?!

Сора ничего не отвечала – но кашель бил ее все сильнее и сильнее. Юми смотрела прямо в лицо матери и видела, что она уже зеленеет от отсутствия воздуха. Сора начала махать руками, Юми от ужаса потеряла дар речи. Йоко не смотрела в сторону матери и ничего не видела. Она повернулась только тогда, когда Сора уже упала на пол и стала биться в конвульсиях, а изо рта у нее пошла пена. Юми подбежала к матери и стала трясти ее – словно бы пытаясь вернуть к жизни, но все было уже без толку. Сора была мертва. Глаза Йоко застила пелена – ничего она уже не видела перед собой. Последнее, что она увидела – это уползающая в сад из дома змея.

Вскоре похоронили и Сору. Юми в тот день долго бродила по городу, не спеша возвращаться домой. Стоило же ей ступить за ворота, как в глаза начало бросаться все, что окружало дом, и чего еще вчера здесь не было. В саду слышен был шорох – Юми повернула голову и увидела огромное количество змей, ползающих по земле туда-сюда. Однако в отличие от давешней гостьи они уже не были столь дружелюбно настроены – стоило Юми сделать шаг в сторону теники, как от них послышалось воинственное шипение. Сразу несколько змей направились в ее сторону с явно враждебными намерениями.

Она вбежала в дом. Йоко как ни в чем не бывало хозяйничала на кухне.

– Йоко! – вскричала Юми. – Что происходит в саду?

- А что там?
- Он полон змей!
- Да? Надо же, а я и не заметила...
- Откуда они взялись?
- Говорю тебе, я не знаю.

Юми взглянула на Йоко. Ужас охватил ее при виде лица сестры – оно было мертвенно бледным. В некоторых местах оно даже покрылось чем-то вроде трещин – такими обычно покрываются лица покойников, едва заметные, эти синие борозды устрашают и отталкивают взгляд созерцающего их. Глаза Йоко напоминали огромные кровавые лужицы – они не светились, как у обычного человека, а блестели алым светом. Не было видно зрачков, только глазницы полностью были залиты багрянцем. Рука сестры была холодна как могильный камень – Юми отдернула десницу и в ужасе отшатнулась от этого призрака в человеческом обличье.

- Что с тобой?
- А что? Что-то не так?
- Ты... Ты... – только и могла бормотать Юми.
- По-моему, ты устала. Ты ведь почти не спала эту ночь, верно?

Юми только мотнула головой в знак согласия.

– Ступай к себе и поспи. Вечером ты должна быть в лучшем виде – надо встречать гостя.

Юми даже не спросила, кого сестра имеет в виду – настолько поразил ее внешний вид родного человека. Не чувствуя под ногами опоры, она добрела до своей комнаты, заперлась там и проспала до самого вечера. Когда она проснулась, то долго сидела перед зеркалом и думала. Во все, что происходило последние дни, было трудно поверить. Казалось, это был всего лишь сон – тяжелый и неприятный сон, какие бывают после утомительного дня. Такое не могло произойти в действительности.

Юми оделась и вышла в залу. Села перед чайным столиком.

- Юми, у нас гость, – сказала Йоко.
- Гость? – удивленно вскинула брови Юми.

Внезапно ширма отодвинулась и на пороге показался самурай. Облаченный в красивое белое кимоно и хакама, с пучком на голове и мечами на поясе, он был похож на героя эпохи Сэнгкоку. Войдя, он учтиво поклонился, сложил катану на пол и сел за стол. Вглядевшись в его лицо, Юми содрогнулась сильнее прежнего – перед ней во всей своей мертвой величественной красе сидел Рю!

Его появление произвело на Юми ужасное впечатление – она расплакалась и долго не могла успокоиться.

– Что же теперь будет? – сквозь слезы спросила она у Йоко. Та лишь обняла ее как в детстве и прижала к себе. Она заговорила с ней так же тепло и нежно, как прежде, когда они были еще детьми, и старшая сестра во всем оберегала младшую, помогала ей, защищала от всего, что могло бы ее напугать.

– О, милая Юми! Не переживай так! Теперь, когда нет никого, кто мог бы помешать нашему счастью, все будет хорошо...

– А я?

– А что ты? Разве ты желаешь зла своей сестре? Разве ты сделаешь что-нибудь, что повредит мне или моему счастью?

Голос Йоко был таким теплым и вкрадчивым, что Юми не могла не поверить своей сестре.

– Конечно нет, что ты!

– Пойми, Рю не хотел никого убивать. Он лишь спасал себя и нас. Нашу любовь, которую я так вероломно предала пять лет назад... – Йоко уронила голову на грудь и из глаз ее брызнули слезы. Глядя на нее, Рю проронил скупую слезу. Юми взирала на все происходящее и не могла в это поверить – эти чудовища оказывались на ее глазах такими же слабыми влюбленными, какими были тогда, в Эдо. Тогда между ними встало все общество. Сегодня оно снова попыталось помешать их счастью – но уже не смогло, прошедшая испытания кровью любовь стала закаленной и сильной. И, как знать, может быть на это была воля Провидения...

Потом все немного успокоились, и даже Юми смирилась с мыслью, что может быть в происходящем нет ничего страшного – во всяком случае такого, что заставило бы ее опасаться за свою жизнь. Они пили чай и даже смеялись. Змеи куда-то делись из сада, и никто не вспоминал о них так, словно их никогда там и не было. Потом все улеглись.

Утром Юми снова и снова возвращалась к мыслям о том, что ей следует спасти свою жизнь и покинуть дом, вернувшись в их владения в Эдо. Слова уже не казались такими страшными, она видела ситуацию с реальной стороны. Но и лишеными здравого смысла их нельзя было назвать – в конце концов, она бы только мешала здесь счастью влюбленных.

– Ты решила уехать? – Йоко взволновало решение сестры.

– Да, я вернусь в Эдо. Я подумала, что университет лучше заканчивать там, он дает более престижное образование.

– Как же я буду без тебя?

– У тебя теперь есть Рю. Да и потом я еду всего на полгода, что остались мне до окончания. Так что скоро вернусь, и все будет по-прежнему.

Вечером Йоко провожала Юми на вокзал. Сестры не сдерживали слез – расставание в такую минуту, после всего, что свалилось на них, было тяжелым испытанием. Поезд прибыл. Стоянка была недолгой – всего пять минут, но и их хватило, чтобы Юми успела оставить в вагоне свои вещи и выйти на перрон, чтобы проститься с Йоко. Они обнялись на прощание уже перед самым отходом состава. Йоко направилась к выходу в город, как вдруг... скрип тормозов и дикий крик толпы заставили ее обернуться. Рельсы были в крови. Юми лежала навзничь перед поездом, но только до пояса. Нижняя ее часть была под локомотивом. Она истекала кровью. Она умерла. Йоко бросилась бежать.

Войдя в дом, она закричала:

– Любимый! Я сделала это! Юми больше нет! Никто больше не помешает нам...

Пройдя по комнатам, она не обнаружила Рю. Но куда он мог деться?

– Рю! – позвала она. Никто не откликнулся. Вышла в сад – там тоже никого не было. Исходила весь дом и не переставала кричать:

– Рю! Рю! Отзовись! Где же ты, Рю?! Рю!

Так она кричала всю ночь. Утром она поняла, что он не вернется. Но все еще продолжала бормотать его имя. И даже когда полиция ворвалась в дом и инспектор встал перед ней в полный рост, она все еще говорила одно только слово:

– Рю! Рю! Рю!..

Мы с замиранием сердца слушали Такеши, и только я решился задать ему один вопрос:

– Но откуда Вы узнали эту историю, Такеши-сан?

– Я тогда работал в полиции. Мы получили письмо от Юми, которое она написала и бросила в почтовый ящик незадолго до гибели. В письме она написала, что на месте пожара, в котором погиб ее отец, в тот же вечер нашла вакидзаси. Это натолкнуло ее на мысль. Потом был убит священник, которого наняла мать, чтобы он изгнал дух Рю из их семьи. Потом Химики и Сора. А дальше... – Такеши достал из-за пазухи свернутый лист бумаги и стал читать:

«...Вечером же мы с Йоко сели за стол и она принялась мне рассказывать о том, что планирует жить здесь вместе со мной и с Рю. При этом она все время смотрела в пустое место за столом, где он якобы сейчас сидел. Но на этом месте никого не было. Я испугалась, что сестра сошла с ума и попыталась выбежать в сад, но там было так много змей, что мне пришлось вернуться. Я поняла, что мне не уйти, и стала говорить с сестрой. Я поняла, что сестра моя больна и оттого мне опасно находиться с ней рядом. Сказавшись, что лучше бы мне было закончить учебу в Университете Токио, я добилась разрешения поехать в наш дом в Эдо, куда сейчас и отбываю, а Вас прошу только об одном – позаботьтесь о сестре. Неизвестно, каких бед она еще натворит, оставшись одна в этом треклятом доме...»

Свеча Такеши потухла сама – но мы еще долго сидели, словно прикованные к своим стульям.

Николай Романов 1993

*Война окончена — мятежники снова стали нашими
согражданами.*

Генерал Улисс Грант

Я убрал пустую бутылку под стол, и мы налегли на салатик.

Колян молотил зубами громче, чем верещало радио. Да, хомячить и трепаться у него природный талант. Если и слопаёт меньше, чем обычно, то наплетёт с три короба, это уж точно. Фантазёр, как из песни. Стрижка под ноль. Машину водить не умеет. Тучный или худой, добрый или не очень — в зависимости от времени года. Вот я его, собственно, и представил.

По правую руку от меня сидел Сержант. Нет, он не в звании, даже рядом не ходил. Где он, и где армия? Уж я-то его знаю, с первого класса вместе лазили по дворам и стройкам. А Сержантом называли потому, что Сергей. Это я ещё в школе придумал. Сам он здоровый, как бык, и спокойный, как тюлень. Авторитет приобретал в любой компании, как только появлялся. Стоял, как Маниту, и сурово молчал. Малоознакомые товарищи сразу проявляли уважение к загадочной фигуре и держались стороной.

Мы, кстати, у него на кухне и сидели. А женщин с детьми в комнату отправили. А, нет, стоп. Они же на даче. Наши половинки на даче, точно. И телефоны мы предусмотрительно вырубili. Не дали бы они нам так славно зарядиться. Впрочем, мы ещё не зарядились. Только начали.

Короче, стол с закусками мы делили на троих. Я, Колян и Сержант. Вроде понятно всех описал, не запутаесть. Для полного состава не хватало Шурика. Но Шурику, кстати, хватало и без нас. Ему только на пользу пропустить пару встреч. Вот уж кто из нас неудержимый. Большой, добрый и хороший. О нём и говорим.

— Шурика давно видел? — спрашиваю.

— О, кстати, — Колян оживился. — Шурик. Звонил мне недели две назад. Прощался опять — всё как в кино. Я, значит, сплю, вдруг трезвон на весь дом. Я ему — даров, сто лет, всё такое, когда уже увидимся? А он — нет, братан, больше никогда.

Сержант многозначительно хрустнул второй пробкой, горлышко звякнуло по бортам рюмок.

— Сколько? — перебил он Коляна. Тот-то всё время по половине опрокидывал. Утверждал, что принципиально.

— Всё, — мой друг внимательно смотрел, чтобы прозрачный уровень остановился ровно посередке.

— Всё не влезет, — лаконично ответил Сержант и взглянул на меня.

— Насыпай, краёв что ли не видно? — я без предрассудков.

— Вот, — продолжил Колян. — Говорит, что жизнь подошла к финалу, и он решился. Звонит мне, типа, правду рассказать, чтоб люди потом узнали. Мол, у него ружьё, полный багажник водки, и мчится он на Кремль, прорываться будет. Но, говорит, скорее всего не прорвётся. Думает, что ОМОН его на подходе застрелит.

— На своей «Волге» поехал? — спросил Серёга.

— Да. На ней. Наверно. Не суть. Я его, понятно, стараюсь вразумить. Мало ли что в голову посреди ночи приходит? Вдруг и правда рванул куда-нибудь. Пропадёт, надо тормозить парня. Минут сорок я его останавливал и пытался назад развернуть. Увещевал, про-

сил, объяснял, детство вспоминали. А тот, ни в какую – всё, Кремль за поворотом, сейчас стрельба будет! Лечу, говорит, под двести! Навстречу судьбе.

– На «Волге»? Под двести? – уточнил Сержант.

– Ну, он её сам собирал, может и под триста разогнать. Хотя, вряд ли. Ну вот, сижу я, значит, провожу психотренинг, спасаю жизнь друга, а этот перец мне вдруг – «Колян, какой ты хороший. Люблю вас, братья. Ладно, никуда не поеду». Я чуть трубку не уронил, он, оказывается, даже из дома не выходил! Накушался в хлам, пригрезилось что-то в ночи, он и позвонил потрепаться. Захватчик, блин.

– Да, – говорю. – Что ты Шурика не знаешь? За то и любим. А кто не чудит?

– А я вообще-то политику не очень, – углубил тему Сержант. – Депутаты, коммунисты, демократы... В девяностых задолбали. Толку ноль от всей этой политики.

– Не, была у меня одна интересная история с политикой... – Колян добавил в пустую пиалу домашних солёных грибов из литровой банки. Лена, Серёгина супруга, отлично их закатывала. На столе полно её кулинарных чудес. Мы сами только картошки отварили, да зелень помыли. Остальное – её чудеса.

Мы обновили ёмкости, и он продолжил.

– Заканчивался девяносто третий год. Да, хорошо помню – мне шестнадцать, уже совсем большой, бросаю курить и весь такой в ожидании взрослых жизни. «Свит секстин», как в песне. Помните, что с политикой и прочими телевизорами творилось? Да всё то же, что и сейчас. С одного бока – Грузия с Абхазией, осетины с ингушами, Карабах. Жесть сплошная. Люди мрут, а из ящика – ля-ля-фа, лимбо-бимбо и упала шляпа.

– Не, я в то время «Сектор» слушал, – говорю.

– Во, оно самое. Как там у классика? «Мы согласны жить в общагах, нам не надо ни хрена, И любой мы жизни рады, только б не пришла война». Но имели мы и «нихрена», и войну со всех сторон. Что с другого бока подгорало? Чехия? Пардон, Чехословакия? С Югославией.

– И Ангола, – сурово добавил Сержант.

– Да, – задумался Колян. – И Ангола тоже. Ангола, Никарагуа, там всегда неспокойно. Так вот, помните тему с Белым домом, танками, захватом телецентра в Останкино? Так вот, я там был. Прямо в гуще событий. Такое сейчас расскажу – волосы дыбом встанут. Вон – у меня аж мурашки по коже, как от любимой песни. Сейчас мяска добавлю и расскажу.

– Валяй.

– Не помню, в каком я тогда классе учился. Одиннадцатилетку же вводили, все через год перескакивали. Из пятого в седьмой, например. Хотя, это, в принципе, не важно. В школу я всё равно не часто захаживал. Гораздо веселее гулялось по городу. Бродил днём и ночью по центру столицы, как по парку аттракционов. Городок бурлил, на каждом шагу сплошные митинги и демонстрации. В киосках пестрели плакаты с голыми бабами; панки, как обычно, куда-то шли по плану; бабки размахивали журналами «Огонёк», как хоругвями.

Деловые люди, конечно, хватку не ослабили – капусту в конторах рубили. Но основной электорат шарился в рабочее время по улицам. Горячие сердца в очередной раз требовали перемен на свою задницу. Куда ни глянь – у все беда и нет денег. Дамы среднего возраста на сплошном нерве. Мужики такие серьёзные, с правдой жизни в глазах. Проходя мимо, могли и плечом ткнуть. И зыркнуть так предупредительно, типа «чувак, не сокращайся». Понятная философия, театр мимики и жестов.

Сейчас так не митингуют, чтоб с душой, с надрывом. А тогда граждане рвались в последний бой. Небитым домашним аналитикам ещё не предложили главные способы выпускать пар – диван, интернет и анонимность, вот они и повылазили с кухонь на белый свет. Всё, типа, сухо и комфортно, а ты такой смелый, на амбразуру рвёшься, герой.

Самая серьёзная буза собиралась возле Белого дома. На Краснопресненской набережной распрекрасной Москвы-реки. Дом Советов, или как там его называли. Пару лет назад тут президент вещал с башни танка. «Дорогие рассеяне» были довольны. Но воды утекло немало. Демос продолжал мариноваться в информационном безумии. Что ни новость – средневековое мракобесие. Появилась оккультная мантра – «да-да-нет-да», прорисовался новый тип героя в виде мрачных, но привлекательных солдатиков РНЕ. Не помню, чего они хотели, но по городу шагали внушительно, с пониманием.

Вот у этого самого Белого дома все недовольные и собрались. Обстановка, конечно, была сложная и накалённая. Кто-то где-то засел, кто-то что-то оцепил, баррикады, защитники. Каждый второй, если не Робеспьер, то Гаврош уж точно. Требовали отставок, реформ, предлагали вопрос с Америкой срочно решить.

Тут бы ещё про Беловежское соглашение вспомнить и договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, но мы так глубоко не полезем. Понятно и так, кругом враги.

Внутри Отчизны ещё хуже – конфликт, «поймаишь», законодательной и исполнительной власти. Знать бы ещё, что это вообще такое. Но явно не шутки – верхушка нашей многострадальной «одной шестой» попёрла против президента. Тело вооружилось против головы, а что прикажите думать нам, инфузориям?

Скажем прямо – среди рядовых граждан мало кто понимал, что происходит. Суть в чём? Никакой ясности на горизонте нет, но каждый был железно уверен в обратном. И горел желанием действовать. Нездоровое веселье творилось.

Вот с такой кашей в голове я и прогуливался в самой гуще событий, у многострадальных ступеней Белого дома. Милиционеры, помню, рядами куда-то перемещались, что-то перекрывали. Горожане бетонные блоки таскали, что твои египтяне. Баррикады строили. Солидные усатые товарищи ждали войска и составляли какие-то списки. Меня аж дважды записали.

А в целом, солнышко светило, ветерок октябрьский бодрил, и настроение мне улыбалось. Допинг закончился, но оставалось полбутылки разведённой порошковой заправки. Я важно расхаживал, попивал клубничный ароматизатор и взглядом энтомолога созерцал апофеоз свободы в отдельно взятом микрорайоне. Тёплое бежевое пальто грело всё, что нужно, а пачка LM в кармане доверительно сообщала, что всё не так уж плохо.

Людей собралось море. Тысячи, если не больше. На футбол столько не ходит. И все, как волна, в одном настроении. В одном порыве.

Я прям по минутам хронологию того дня не помню. Но хорошо помню, что это самое общее настроение, одновременно менялось. Двое поднимали крик, а через минуту орали сотни. Трое побежали куда-нибудь, глядишь, весь табун ломанулся. Ну, а если учесть, что орали и бегали вокруг постоянно, то картина готова. Ну и я, хоть и сам по себе, но в целом – как все, чё.

К полудню оптимизм как-то пошёл на спад. А нездоровой бодрости заметно прибавилось. Слух пробрался, что к нам с Октябрьской площади подкрепление идёт. Что народ, как лавина, всё на пути сносит, камнями швыряется, у милиции щиты да дубинки отнимает. А где-то даже и автобусы захватили. Я ещё подумал, где они столько камней в городе нашли?

Как и положено, нашлись те, кто усомнился. Мол, это не поддержка, а наступление. Что мэрию захватили и какую-то гостиницу. И так ничего не понятно, а тут вообще караул – чем меньше ясности, тем больше эмоций. А мобильных тогда, понятное дело, не было. Никаких тебе звонков, контактов и поисковиков. Никто не подскажет, что на самом деле в мире происходит.

Когда раздались первые хлопки, контингент дюже напрягся. Я-то ещё не служил, но многие вокруг, по ходу, были в теме. Объяснили. Хлопки, мол, не хлопки, а выстрелы.

Одиночные, очереди, и даже можно определить, что конкретно работает – автомат, пистолет, а то и БТРовский пулемёт. Прибавилось людей в военной форме. Замелькала в руках милицейская экипировка и оружие.

Градус повысился, а тут ещё откуда-то первые раненые появились. Бой, вроде, настоящий начался, то ли опять у мэрии, то ли у посольства какого-то. Сквозь толпу потащили наспех перебинтованных людей. С них натурально кровь лилась, стекала до асфальта по грязным тряпкам. Люди в камуфляже без умолку орал в матюгальники с балконов Белого дома. Что именно – не понятно ни хрена, в общем шуме из этого лая половину слов не разобрать. То требовали кого-то сдержать, то просили что-то сохранять.

Мы, как стадо, туда-сюда с горящими глазами бродили, метались от избытка чувств и энергии. Иногда останавливались, чтобы послушать, что нам снова наорут. Но уж как-то организовано мы все перемещались. То ручейком одна группка куда-то сливалась, то плотной стеной переулок забивали.

Ну, те, кто на футбол ходят, знают, как и почему толпа внезапно «самоорганизовывается». Загадки-то никакой, но я же совсем ничего не догонял. Стадное чувство, ага. Не смешите.

Народ, конечно, убывал, но те, кто оставались – глазами горели, в бой рвались. Ну и я, мозгов-то много, тоже зачем-то в бой рвался. А когда автоматные очереди раздались среди нас, разум возмущённый вскипел окончательно и бесповоротно. Из нас, как из пластилина, можно было любую фигуру лепить. Просьбы сменились командами, и мы куда-то с энтузиазмом метнулись, как карп на нерест.

Вот тут и появились грузовики. Три или четыре ЗИЛа-131. И крик над головами: «На Останкино!» В телецентр, значит. Эфир требовать, это я хорошо помню. Ну и вообще,

ещё со школы отложилось, что надо по классической схеме действовать – захватывать телеграфы, телефоны и прочее.

Примчались ещё какие-то автомобили. Группам давали разные указания, но в той толпе, которая подхватила меня, звучала одна тема – прорываемся к телецентру. Ну, клёво, чё. На Останкинскую башню посмотрю, хотя её и так из моего дома видно. Но так то – далеко же.

Посбрасывали у ЗИЛов задние борта и за пять секунд набились в тентованные кузова. Уселись на жёсткие скамейки, кто-то прямо на полу расположился. Поехали.

Мир как-то сразу сжался до размеров нашей консервной банки, забитой потными мужиками и банальными шутками. Политический угар остался на улице. Мы же тряслись на кочках и смеялись, будто студенты по дороге на колхозные картофельные поля.

Справа от меня сидел колоритный дед в потёртой кожанке с саперной лопаткой в руках. Слева упирался коленями в подбородок длиннющий чувак в камуфляже. Он притащил два автомата, один из которых передал чернобровому здоровяку напротив меня. На дне кузова дребезжал сельхозинвентарь: лопаты, жерди какие-то, гаечные ключи. Я сначала подумал взять что-нибудь для уверенности. Но потом представил, как нелепо буду выглядеть с монтировкой посреди цивилизованного телецентра, и расслабился. Шутки были весёлые, попутчики дружелюбные, и я даже не заметил как наш ЗИЛ дёрнулся и замер. Приехали.

По ощущениям, за бортом было ещё светло. Но, когда откинули полог, я увидел, что небо уже объяли глубокие сумерки. Мы вывалились из кибитки на землю, словно солдатики из картонной коробки.

– Кибитки? – Сержант щёлкнул кнопкой чайника.

Нет, мы ещё не закончили трапезу, вечер только начинался. Пришло время для традиционного кофе-брейка после первого литра.

– Ага, – сказал Колян. – Кибитки. – Тут самое непонятное начинается.

– Тебе с лимоном?

– Как и сказал, на улице наступила темень, так что размытую картинку можно спить на неё. Соображал я вполне ясно, хотя и был жутко голоден. Но картинка мне совсем не понравилась.

Ну, Останкино, вон оно – рукой подать, все же хорошо местность знают? Улица Королева, дом двенадцать. Тут – башня, гигантский шприц, иглой в небо воткнулась, там – пруды, где купаться нельзя. А сам телецентр, как две огромные коробки с видеомagneтофонами, по сторонам от дороги расположился. Мы как раз между двумя зданиями и выгрузились. Как в ущелье.

Тут даже не знаю, как понятно описать. В темноте толком ничего не разглядеть, ещё и суeta вокруг. Люди беспорядочно толкались, задевали друг друга железными щитами. Ну, думаю, щиты понятно откуда взялись. У милиционеров отобрали. Лопаты помню. А что тут косы и вилы делают? И почему на шлемах, которые, скорее всего, содрали с милиционеров ещё у Белого дома, плюмаж развеивается? Что за гул и рокот вокруг? Грузовик наш уже совсем не грузовик, а мрачная скрипучая кибитка. Запряжены в неё два здоровенных коня-тяжеловоза, чёрных, как сырая земля, что клочьями вылетала из-под чугунных копыт. Их с трудом сдерживали крепкие возницы, поводья натянулись, как толстые струны.

Мои попутчики носами удивлённо вокруг поводили и потихоньку двинулись в сторону двух зданий. И я вместе со всеми. Камуфляж вокруг ещё мелькал, но появилось больше грубой кожи. Факелы чадили ядовитой копотью, нас обгоняли фигуры в шкурах и со странным оружием в руках. Те же автоматы, но огромные. Они были примотаны грязными ремнями к торсам и предплечьям, а кого-то крепились прямо к телу стальными скобами. Сказать, что я офигел – ничего не сказать.

Как в сон попал. Но я-то знал, что не сплю. И всё вроде знакомое, но всё не то.

Асфальт – не асфальт, а засохшая грязь. Бетон – не бетон, а каменные блоки. Кибитки и телеги на стальных полозьях нестройными рядами встали вдоль обочины. Тяговые лошади хрипели и рвались из рук. Ветер стонал, как дряхлый волк при смерти. Небо оцетинилось звёздами сквозь бледные облака, будто раскалёнными иглами. Утробный рёв строевых команд оглашал воздух, и мы покорно им следовали. Не совру, даже не помню на каком языке они звучали.

Мне бы тут удивляться, как туристу в Эрмитаже, но нет – слышу, что я, как и все, злобно зарычал и в ногу замаршировал к тёмным контурам телецентра. Какой там телецентр! Две огромные каменные крепости оскалились решётками на узких окнах. По периметру каждой, в неровных рвах, шипела и булькала чёрная дрянь. Страшно представлять, что я увидел бы при свете дня.

Мы забили всё пространство между зданиями. Неширокий отрезок дороги моментально заполнился, как рукав водолазки. Наступающие, как сейчас представляю, разделились на две группы, по каждой на здание. Я оказался в той, что ближе к прудам.

Я сразу приметил на крышах обоих строений отблески пламени наших факелов. Отблески скакали, словно болотные огоньки, и я смекнул, что нас поджидают. Через пару минут я разглядел за бойницами чёрные шлемы с зеркальными забралами, матовые бронежилеты и разнокалиберные дула орудий, направленные вниз, прямо на нас.

Меня бил озноб, а к вискам подкатывала щемящая волна. Горячая, сочная и невыносимая. Она буквально изменяла моё тело. Голова погружалась в окаменевшие плечи, спина выгнулась горбом, и я почти коснулся пальцами земли. Судорога свела щёки и оскалила мокрые зубы. Пришла ненависть. Лютая, свирепая.

Я видел врагов ясно, как средь бела дня. Худые плечи, трясущиеся подбородки – омерзительное зрелище. Чёрная густая слюна сочилась из-под забрал. За спиной торчали какие-то кожистые капюшоны, они накрывали круглые шлемы, чисто инквизиторские колпаки. Я слышал их кислый запах, я сглатывал привкус их ледяного пота, но я не чувствовал их паники. Противник был в ярости и ненавидел нас не меньше.

В пламени факелов сквозь наши ряды тяжело проползли два огромных тарана, размером со львовский автобус. Голыми руками, сдирая ногти и ладони, воины развернули чёрные коконы навстречу решёткам ворот и, после надсадного крика-команды, стали разгонять фаллических монстров для сокрушительного удара. Тараны крепились на необъятные колёса-жернова, из-под которых разносился хруст костей незадачливых солдат. Неопытные новобранцы мешкали и десятками сыпались под их роковой ход.

Я не увидел, достигли тараны ворот или нет. Треск и грохот обрушились на наши головы раскалённым огнём. Залп вдавил нас в землю ударом космического хлыста. Пламя и раскалённый металл накрыли атакующих смертоносным ливнем. Руки, ноги и внутренности взвились в воздух вместе с кибитками, словно в наши ряды влетел на полной скорости небесный локомотив! Да! Мы ответили рёвом, разрывающим горло и челюсти! Лавиной мы бросились к каменным стенам.

Стрелки продолжали бить по нашим незащищённым спинам. Пули, ядра, стальные шипы, стрелы и сгустки расплавленного свинца впивались в землю вокруг меня. Адский шум достиг такой громкости, когда уже не имеет значения оглох ты или лишился головы. Я слышал только пульс многотонной наковальни, который разрывал меня изнутри.

Пространство вокруг закружилось в водовороте грязи, крови и пламени. Видимо, по нашему участку прошёлся плотный прицельный огонь. Я рванулся к смятой громадине, бывшей когда-то нашим транспортом. Я искал укрытие и крошил зубы в бессильной злобе. Битва длится вечность, а я ещё не дотянулся до чужого горла! Укрытие оказалась так себе. Зато мишень из меня получилась отличная. Я ощутил, как тысячи шампуров впились в шею,

спину и поясницу. Но – невероятно! – меня не разорвало и не покалечило. Я схватился руками за бока и ощупал себя.

Разглядеть что-либо в дыму было невозможно, но неожиданное открытие прибавило мне энергии и сил. От моего пальто не осталось и следа. А ведь оно так славно грело меня в тот непростой октябрьский денёк. Да и пёс с ним. Жёсткая кудлатая шерсть покрывала бедра, грудь и бока, где бы я не притронулся. Когтистые лапы натывались на застрявшие в волосах пули и обломки стрел. Приятный бонус, теперь можно снова прорываться к крепостям, защита мне обеспечена.

Едва я выскочил из-за развалины, то обратил внимание, что пальба стихла, и дым рассеялся. Ворота обоих зданий висели обломками, неподвижные тараны торчали из них, как кубинские сигары из обгоревших и разорванных ртов. Тёмные фигуры проскальзывали в проёмы и трещины. Крепости гудели внутри, как роящиеся ульи.

Но основная часть нашего войска оставалась снаружи. В голове промелькнула мысль, что можно, наконец, обзавестись оружием. Меня разрывали литры адреналина, но я по-прежнему не понимал ни нашу конечную цель, ни логику ужасной битвы.

Новые звуки раздались над головой. Вражеские стрелки оживились и, побросав оружие, взбирались на высокие бойницы. Капюшоны за их головами расправлялись в широкие перепончатые крылья. Теперь я мог лицезреть их тощие тела и плети паучьих рук. Из кончиков пальцев торчали кривые крюки. Как рыболовные, какая прелесть. Туловище каждого стянули толстые кожаные ленты, из-под рёбер торчали острые стальные шипы.

Стрелки взмыли в воздух и обрушились на нас со скоростью морских штормовых молний.

Я не видел, в кого придётся жуткий удар с неба, мои соратники, по ходу, тоже. Мы растерянно крутили головами, когда в очередного из нас вцеплялась шипастая нечисть и, подхватив крюками, взмывала с жертвой в поднебесье. Мы не успевали заметить, как они стремительно бросались на наши головы, но прекрасно видели, как из-под тугих облаков падают растерзанные тела. Один, второй, десятки, сотни – на нас лился дождь из мертвецов и литры их разбрызганной крови.

Значит, я буду прорываться к крепости, сквозь дьявольскую небесную мясорубку.

Но едва я дернулся в сторону разбитых ворот, как ощутил в ногах любопытные перемены. Ноги стали короче и значительно сильнее. Я оттолкнулся и подпрыгнул. Взрытая земля унеслась прочь, на мгновение зависла девятью этажами ниже и рванулась мне навстречу. Бёдра и голеностопы мягко спружинили, я почти не ощутил удара о поверхность. Отлично, отлично! Я прицелился в одного из парящих противников и повторил прыжок. Я врезался в него пушечным ядром, крылья хрустнули и смялись газетным листом. Тушка закрутилась в сторону Останкинской башни.

Башня, к слову, стояла где и положено, без изменений – никакого сюрра и средневековья.

Я приземлился и заметил, что мой манёвр повторяют многие. Бросаются в небо кузнечиками, сшибают противника или, как вариант, хватают и тащат под топоры и когти тех, кому с ногами не так повезло.

Я прыгнул ещё дважды. Второго сбил на встречном ходу. Мразь пульей летела мне навстречу. Его разворотило, как пучок гнилой зелени. Я же, практически без царапин, успешно вернулся в ряды ликующих соратников. Шкура работала как надо.

Мы, не сговариваясь, объединились в небольшие группы и держали бой снаружи крепостей, не предпринимая новых попыток прорваться к зданию. Летучие гады возвращались на крыши, где, скорее всего, началась новая заваруха. Дела у них, похоже, не очень-то ладились.

Тут я немного расслабился и потерял бдительность. Резкая боль под рёбрами не только вернула меня в битву, но и вздёгнула в небо, как сухая верёвка – жирного висельника. Сталь-

ные когти впились в мои потроха, тварь подхватила меня со спины и пулей понеслась к облакам. Я вертелся угрём, но, без опоры, мои руки лишь беспомощно хватали воздух. Сражение под ногами превращалось в муравьиную возню, и что сулило мне падение с такой высоты, оставалось только гадать. Враг продолжал методично пихать мне под брюхо свои крюки. Ноги и пах обжигало густой кровью.

Я терпел и ждал нужный момент. Когда очередной рывок выдернул солидный шмат моего драгоценного мяса, я изловчился и перехватил лапу. Трюк сработал, я вывернулся и сжал мёртвой хваткой тонкую скользкую шею. Другой рукой я содрал зеркальное забрало и запустил пальцы в тёплые глазницы. Казалось, я царапнул когтями дно черепной коробки. Птичка дёрнулась и сложилась, как сломанный зонт под порывом ураганного ветра. Мы с трупом ринулись вниз.

Ноги не подвели и в этот раз. Да, кожа лопнула, и колени вылетели белыми осколками сквозь рваные дыры, а копчик звонко щёлкнул, когда я, по инерции, рухнул на задницу, вслед за сломанными ногами. Нижняя часть позвоночника сложилась, как телескоп, но я остался жив. Боль ошарашила меня, будто визг тормозов летящей навстречу фуры. Я перевернулся на спину и приготовился к новым ударам с неба.

На фоне звёзд неслись чистые облака. Никаких крыльев и крюков.

Готовилось что-то иное.

Странный звук.

Плаксивая песня. Полустон, полумолитва. Как колыбельная от безголосой матери нежеланному ребёнку.

Я приподнялся на локтях и огляделся. Солдаты вокруг меня замерли, мы прислушивались к странной заунывной мелодии.

Мышеловка захлопнулась. Я ощутил это, как только увидел их. Дорогу с обеих сторон почти полностью перекрыли странные существа. Их длинные тела выползали из-за чёрных зданий. Те воины, что оказались рядом, хватались за головы и падали на колени. Огромные раздутые чудовища, похожие на гусениц размером с БТР, медленно закрывали собой выходы с территории между двумя крепостями. Они издавали протяжный стон. Заунывную песню, от которой немели конечности и слабели мышцы. Наше войско замерло, как один парализованный организм.

Ни о прыжках, ни о сопротивлении не могло быть и речь.

Гусеницы, лучились оранжевым светом. На полупрозрачной коже шевелились жёсткие волоски, а под ней что-то двигалось и сокращалось. На ум приходили ленточные черви в мутной банке остывшего гноя. Из маленьких смятых морд лилась убийственная для нас песня.

Куда деваться? Справа и слева возвышались крепости, спереди и сзади ползли эти чёртовы гусеницы.

Если бы я не выбрался тогда, то не выбрался бы никогда.

Я отбросил все мысли и утопил пальцы в собственных ушах.

Меня смял звон гигантского колокола, болтающегося в агонии где-то в центре вселенной. Словами этот звон не описать, как удар молотком в переносицу. Через секунду он стих, остался только тупой однотонный шум. На ладони брызнули красные комочки. Я лишил себя слуха. Печально, но должно помочь.

Тело всё ещё чувствовало песню гусениц, её вибрацию. Мускулы вязало липкой паутиной, но я, по крайней мере, мог двигаться.

Я опёрся на локти и быстро, как только мог, пополз в сторону прудов. Туда, где отвратительный оранжевый хвост ещё не перекрыл последний свободный участок дороги.

Мне повезло.

Другим – нет. Рядом со мной не прорывался никто. Я полз в тишине и темноте, видел только грязную траву, которая царапала мои губы, и прогрызался червём под ржавыми заборами.

Ноги и разбитый позвоночник на удивление быстро восстанавливались. Как там оно по-научному? Ренигерация?

Железнодорожные пути возле метро «Владыкино» я прополз на четвереньках. В родное Отрадное пробрался на своих двоих. Без шкуры и когтей. Живой, здоровый, в пальто и обессиленный. Грязный, как пьяный москвич на колхозной ферме.

Ох, и навернул же я картошки из холодильника. Чуть дно у кастрюли не сожрал.

С балкона дома я видел зарево над Останкино. Под башней раздавались хлопки и мерцали вспышки. Поглядел и пошёл спать.

Такие дела.

– Знаешь, что интересно? – Колян вилкой пытался вернуть в тарелку непослушную квашеную капусту. – Я, когда эту когтистую птичку под облаками поймал, я ей в под забрало-то заглянул. Вот тут реально страшно стало. Они...

– Знаешь, братан... Ты не птичку, ты белочку поймал! – захохотал Сержант.

– Какую белочку? – не понял Колян.

Тут и я не удержался. Прыснул так, что аж носом пошло.

– А, понял, – рассказчик улыбнулся.

Шутка дошла.

– Кстати, про белочек! – он тут же переключился. – Мне отец рассказывал, как они с пацанами в деревне белок ловили. Знаете как? Телогрейкой! Набрасывали сверху и хватали. А иначе никак. У них когти, как бритвы. Вмиг от ладоней одни кости да лоскуты остаются. Поэтому – только телогрейкой.

Владимир Ромахин

Крест

Есть моменты, что запоминаются на всю жизнь. Для Вани таким стал вечер, когда отец вручил крохотный свёрток.

– Держи, сынок, – сказал отец.

Ручищи отца с любовью накрыли ладошки мальчика. Ваня улыбнулся: папа не забыл о подарке! Сегодня Ване исполнилось десять лет и ему казалось, что празднует весь мир: даже закат нарядил облака в багряные платица.

Шёл 1583 год. Деревня, где жила семья Вани, находилась в глухом лесу, а дома стояли так близко, что мальчик слышал храп соседа и скрип половиц. К десяти годам Ваня изучил все дорожки вокруг и с каждым разом уходил всё дальше. Он привык доверять друзьям: летом – запаху сена и жужжанию пчёл в медовых сотах у деревни, а зимой – метели, сквозь которую он безошибочно находил дорогу.

Отец не ругал Ваню – летом был на охоте или подсеках, зимой – удил рыбу из реки. Жизнь в Деревеньках текла своим чередом, но с воем вьюги и волков приходила беда: пропадала молодёжь. Статным парням не сиделось дома без румяных барышень и кулачных боёв, вот и бегали за три версты в Домнино. И хоть держались вместе, а нет-нет, да исчезнет то один, то другой.

У каждого сельчанина была своя версия: кто грешил на волков, а кто на юродивого, что шатается по лесу. Никто не знал, откуда он взялся, но старика боялись пуще голода. Когда юродивый шёл по Деревенькам, жители прятались, чтоб не слышать о гневе господнем и жутких пророчествах. В День рождения Вани старец подкрался к мальчику, когда тот играл за сараем. Ваня поздно увидел старика и робко шагнул назад. Юродивый рассмеялся и поднял палку как меч, будто предлагая сразиться. Ваня подумал, что старец похож на гадюку: тот же узкий нос, крохотные глаза. Мысль оборвалась быстро: Ваня споткнулся и рухнул в навозную кучу.

Клопочущий смех старика походил на кваканье лягушек. Старец ловким прыжком оказался около Вани и протянул мальчишке палку. Ваня с опаской взял острый конец. Юродивый рванул со всей силы и мальчик оказался на коленях.

– Тёмная судьба ждёт, – зашептал юродивый. – Страшная, угрюмая. Как и у страны нашей.

– Нет, – пискнул Ваня. – Я лесником хочу стать.

– Мы предполагаем, а бог располагает. – Тень юродивого заслонила мир, подёрнутые ветром лохмотья трепетали в воздухе. – Тяжёл твой крест.

– Да спина крепка, – произнёс родной голос.

Юродивый отпрянул. На пороге застыл отец с вилами. Пот лился по бугристым мышцам, а осенние листья с трусливым шорохом осыпали ноги.

– Прочь! – гаркнул отец.

Юродивый боком обошёл отца и затрусил в кусты. Пара секунд – и он исчез, унося запах гнили и жуткие слова.

– Батяка! – Ванька со слезами бросился к отцу.

Одной рукой тот поднял Ваню и с улыбкой понёс на заднее крыльцо. Тогда и подарил он свёрток, дорожке которого у Ваньки ничего и не было.

– Крестик? – спросил Ваня, недоверчиво вертя содержимое свёртка.

Отец улыбнулся:

– От бога он. Как и все мы. С Днём Рождения, сынок.

– Спасибо, – ответил Ваня и прошептал, боясь, что услышат: – А я бога не видел. А если нет его?

– Главное, чтоб он тебя видел. – Пальцы потрепали Ванькины волосы. – А юродивому не верь.

Ванька кивнул, но слова юродивого не забыл. Может, и к лучшему: когда они сбылись, он не удивился.

На следующее утро Ваня проснулся с ощущением, что мир принадлежит ему. И всё же с трудом верилось, что ещё позавчера было девять, а сейчас – десяток. Ну да ладно. Стояли тёплые осенние деньки, рыжий ворох листьев танцевал под присмотром стражей-дубов. Дожди не шли, поэтому речка не буянила, а тихо застыла меж широких берегов.

Мать хлопотала за столом, а отец и старшие братья собирались на охоту. Сестричка – пятилетний тёплый комок – сопела на печке. Запах дыма щекотал лёгкие – опять дураки из Домнино в шутку сожгли кучи с листьями! Так и сгореть недолго. Ваня слез с лавки и юркнул на крыльцо. Дым стелился над лесом, глядя на выжженную землю. Запах гари принёс дурное чувство, словно в воздухе с дымом витала беда. Ванька поёжился и зашёл в сени в поисках стакана молока. Напиток успокоил, мальчик вытер белые усы и услышал, как мать зовёт есть.

Картошка и рыба – он объелся, как никогда прежде. Когда трапеза кончилась, отец и братья пошли на улицу, где ждали верные собаки. Ваня, как всегда, провожал.

– Бать, когда меня охотиться возьмёте? – заканючил он.

– Мал ты ещё! – улыбнулась мать. – Отстанешь в лесу, заблудишься!

– Нет! – заспорил Ванька. – Мне десять уже. Большой совсем!

– Большой, большой, – подхватили братья.

Они расхохотались – даже псы гавкали в такт хозяйскому смеху. Ещё никогда Ваньке не было так обидно. В семь лет не брали, в восемь и девять – тоже. А в десять то чего?

Лишь отец сел рядом на корточки и серьёзно сказал:

– В другой раз, Вань. Мы на кабана идём, там всякое бывает. На волков наткнёмся – тяжко будет.

– Бать, я аккуратно буду! – сказал Ваня.

Но отец был непреклонен:

– В лесу шаг в сторону – и всё, не выйдешь.

Отец и братья ушли. Собаки виляли хвостами, мускулистые бока раздувались от предвкушения охоты. Мать побежала в дом на плач сестры. А у Ваньки созрел план: пойти следом за охотниками. Но вдруг отстанет? Однажды он заплутал и вернулся домой ночью. Соврал, что уснул в лесу. Мать поверила, но взгляд отца Ваня не забыл. Мол, не умеешь – не ходи. Но каким он будет лесничим, если лес не знает?

Ветер раскидывал пепел, глаза слезились, а нос будто чесался изнутри. Фигуры людей и собак едва угадывались сквозь дым и ползущий с оврага туман. Впереди шёл отец, братья отставали на пару шагов. Пальцы отца касались дула пищали, которую он выиграл на соревнованиях в Домнино: «Лучший стрелок окрестных деревень». Батя со смехом говорил, что после лука пищаль – дар божий. За охотниками волочился речной туман – он робко касался лодыжек, словно боясь окружить могучие фигуры. По очереди мужчины проверили остроту ножей и тетиву луков. Наконец дым, туман и бегущий по ветру пепел скрыли охотников.

А Ваня крался за сараями. Аккуратно, боясь свалиться в навозные кучи и растревожить собак, он бежал по безлюдной тропке. Через пару минут мальчик шагнул в лес и на душе стало тревожно. Он не мог объяснить, чего боится: знакомых троп или отцовского гнева?

О матери Ваня не думал – до обеда искать не будет. Но как бы всё не закончилось, уши надерут, как пить дать.

Он догнал охотников, когда они вброд переходили Вшивку. Никто не заметил его: разве что собаки почуяли запах пота. Но и они не подали виду – удача была на Ванькиной стороне. Пока охотникам не везло: следы кабанов обрывались и появлялись то тут, то там. Собаки бегали кругами, черты лиц мужчин стали более резкими, а слова отдавали злостью. Последняя тёплая охота – а потом заморозки и зима.

Ванька ещё дрожал от касаний прохладной воды к разгорячённому телу, когда батя замер на опушке.

– Домой, – скомандовал он. – Сегодня бог не с нами.

– Ха, – улыбнулся старший из братьев, Федька. – Кабан в чаще. Мы не заблудимся, если пометим деревья.

Ветер растрепал длинные волосы отца, но когда охотник заговорил, даже он стал тише:

– Я не заблудиться боюсь, а волколака.

Старший брат всплеснул руками и харкнул на землю. Тот, что помладше – Саша, – глядел то на него, то на отца, не решаясь, чью сторону занять. Батя молчал, пот на седых висках блестел в свете лимонных лучей солнца. Федька вытащил нож и любуясь гладкостью лезвия, как бы невзначай заявил:

– Волколак – сказка. Кто бы не воровал людей, он берёт девок да слабаков. К тому же, зимой.

Саша переминался с ноги на ногу. Взгляд Феде заставил робко пробормотать:

– Его правда. – Отец, пошли в чащу.

– Нет. – Отец развернулся и тенью накрыл братьев. – Не в этот час.

– Уважь сыновей, отец, – шагнул к отцу Федька. – Мы не малыши, как Ванька. Зимой только лёд дырявить, да рыбу жрать. Запасов не хватит.

Ваня не понял, то ли слова об уважении растревожили отца, то ли звук ветки, на которую мальчик случайно наступил. Отец развернулся и Ванька пополз влево. Братья ничего не слышали – так ждали ответ. Напряжение между мужчинами витало в воздухе и если Саша изучал носки сапог, то ледяной взгляд Феде говорил яснее слов: он пойдёт в чащу один.

– Я не трус, – наконец выдавил отец. – Пошли, но вернёмся до темноты.

Федя оскалился, а Саша выпустил воздух из надутых щёк. Отец не глядя пошёл к еле видной тропке в частоколе деревьев. Ванька победно сжал кулачки: он, как и братья, голодать не хотел.

Тропа петляла, постоянно сбиваясь на едва различимую дорожку следов. Отец шёл с поднятой пищалью, братья при каждом шорохе вскидывали луки. Собаки бежали рядом, словно вышли на прогулку, как вдруг словно по команде рванули в чащу. Охотники побежали следом, Ваня за ними. Мысль, что пора выйти, не давала покоя, но злость, исходившая от отца, висела в воздухе как запах сосен и паутина на чёрных ветках.

Вскоре они так сильно углубились в лес, что лучи солнца едва пробивались сквозь кроны деревьев. Почему-то здесь листва не хрустела под ногами, а чавкала, словно мечтая затянуть в землю. Собаки, рванувшие вперёд, поджали хвосты и скуля топтались на месте.

– Болото. Дальше хода нет. – Нога отца по колено провалилась в прелые, гнилые листья. Те зачавкали беззубыми жвалами. Воздух наполнил запах гнили. По коже Вани побежали мурашки: он представил, сколько животных затянуло болото.

– Нет, – огрызнулся Федя, а его пёс зарычал. – Останемся на ночь, с рассветом двинемся дальше.

Отец отошёл от болота и обратился ко второму сыну:

– Ты не чувствуешь? Здесь холодно даже для сентября.

Тот развёл руками. Всё он чувствовал. Но показаться трусом в глазах Федьки? Ну уж нет!

– В деревню, – сказал отец. – Это приказ.

– Нет, – с чуть слышной дрожью в голосе произнёс Федя. – Хочешь -выпори дома, но без кабана я не вернусь.

Отец что-то сказал, но Ванька не расслышал. В кустах за охотниками метнулась тень. Ваня подумал на ворон, но после различил лохмотья юродивого. Что он тут забыл? Пошёл охотиться? Но у него из оружия только палка...

Юродивый высунулся из-за шиповника. Глаза закатились, заячья губа оттопырилась, изо рта бежала струйка пены. Острая палка торчала из-за спины, как продолжение позвоночника.

– Всё. – Отец двинулся к братьям и те отступили. – Домой, или зубы тут оставите!

Федя насупился, а Саша споткнулся о торчащую ветку. Ваня глядел только на юродивого. И смотреть было на что: губы словно плясали на лице, зубы вытянулись, как клыки. Красные, инородные вены пробежали по рукам, а из горла вырвался полный боли хрип.

Мир поглотило чавканье. Болото из листьев квакало, вороны с громким «Каррр» унеслись с веток. Отец и братья встали спина к спине. Ванька не двигался, лишь охваченные трусливой лихорадкой глаза наблюдали безумную картину: сквозь гнилые листья появлялись голова и лапы. Ваня подумал, что охотники напоролись на волчью стаю – так чудище напоминало волка—переростка. Шерсть, которую словно окунули в смолу, топорщилась как иглы на еже.

– Волколак, – зашептал Саша. – Боженька, помоги.

– Это же сказка! – с перекосившей лицо безумной улыбкой воскликнул Федя и захихикал, как застенчивая девчонка – Сказка, сказка, сказка! – твердил он до тех пор, пока не закашлял от смеха.

Отец шагнул к сыну, но остановился – инстинкты охотника подсказывали не отвлекаться. Быстрым движением он прислонил пицаль к плечу, ведь тварь времени не теряла – как человек встала на ноги и прыгнула за деревья. Пуля расчертила воздух и отколола пару кусков коры с дерева, где только что был волколак. Собаки завывали – протяжно, тоскливо. Ванька полез на дерево. Саша глядел на Федю: тот срывал с тела одежду, словно горя в невидимом огне. Пара шагов – и Сашка оказался около брата, но тот ударом в нос отправил парня на землю. Саша заскулил, а Федя смеялся, будто поражённый заклинанием. Он хохотал, даже когда тварь появилась за спиной и одним махом снесла голову. На секунду Ване показалось, что и отрубленная голова продолжила смеяться.

Сашка бросил лук и побежал прочь. Отец отвлёкся на сына и погиб бы, если б не собаки. Может, смерть хозяина вселила храбрость, но псы бросились на тварь. Атака дала отцу шанс: он снова выстрелил. Отец охотился с малых лет и знал, что стрелять надо в глаз: животное умрёт, а шерсть не испортится. Правда, о шерсти он сейчас не думал.

Пуля вонзилась твари в глаз. Чудище взвыло – удар переломил одному псу позвоночник, второго через секунду постигла та же участь. Время словно замедлилось – так долго отец возился с пицалью, а туша волколака становилась ближе. Отец зарядил пицаль, но слишком поздно – лапы взметнулись и тварь ударила мужчину головой о землю. Как тряпичная кукла, охотник раскинул руки и ноги в разные стороны.

Волколак побежал за Сашей. Через минуту Ваня слышал вопль и глупо хмыкнул от мысли, что теперь он – старший сын. Внимание с глупой мысли переключилось на бату: тот приподнялся на локтях, с головы лилась кровь. Ванька глянул в кусты – там, таясь, укрылся юродивый.

Отец пополз, хрипя как зверь. Юродивый шагнул из кустов. Ванька бросился наперерез.

– Батька! Вставай, пожалуйста, родной!

Отец повернул голову. В глазах что-то мелькнуло, но лишь на секунду. Черты лица исчезли за висящей кожей, торчащими костями и кровью. Руки дрожали какой-то бесконечной, бесовской дрожью. Это напугало Ваню больше кровавых луж, которые с удовольствием лились по прелым листьям. Тело отца было недвижимо – всё, кроме рук.

– Батька! – кричал Ваня, забыв о твари. Главное – опередить юродивого. Мальчик глянул на кусты, но старец исчез, словно и не было.

Тишину поляны разорвал рык. Ваня оглянулся: волколак нёс младшего брата, с задумчивым видом пожёвывая Сашкину руку. Как только чудище заметило ребёнка, оно бросило тело, скаля окровавленную морду. Из пустой глазницы текла серая жижа. Ванька глянул на пищаль – можно выстрелить, но как? Батя не научил – говорил, что рано.

О том, как пришла Ване в голову следующая мысль, он никогда не говорил. Не хотел или не мог? Есть вещи, которые приходят только в обезумевшие души. А может, такова судьба.

Ванька сорвал с шеи подаренный крест и высоко поднял его над головой. Луч солнца коснулся деревянной поверхности. Словно чья-то рука направляла Ваньку в этот миг: он медленно опустил ставший тяжёлым крест и направил луч на тварь.

Но волколак уже был в далёких кустах. Там, где братья ещё могли спорить, а руки отца не дрожали.

Голову Вани жгла мысль: скорее бы всё кончилось. Пусть пройдёт день. Год. Два. Пять. Но время не спешило и он, пыхтя и плача, помогал идти отцу и тащил пищаль. Когда на полдороги в Деревеньки отец рухнул, Ваня упал рядом. Сил не было. Братья. Волколак. Юродивый. Всё слилось в одну картину, где была кровь, кровь, кровь...

Охотники нашли их на следующий день. В Деревеньках забили тревогу и наутро бросились на поиски. Ваня не мог отвести взгляд от бати: родные черты превратились в лилово-алую маску. Отец еле дышал, и Ваня из последних сил молился – пусть выживет. А потом веки смежились, и мальчик упал в сон.

Ваня проспал три дня. Отец выжил, но всё, что делал: лежал на лавке и тихо стонал. Деревня уже наполнилась слухами, но едва ли правдивыми. Ваня отказывался с кем-либо говорить. Даже мать едва смогла вытащить из него пару слов. Она плакала, а он до боли прикусив губу, смотрел в стену. Но как сказать правду? Как услышать: «Я верю», а в глазах увидеть: «Ты мальчик, а дети – те ещё сказочники». И сестрёнка... Что ей рассказать? Как хохотал Федя? Как чудище ело Сашу?

Следующей весной Ваня улыбался, вспоминая свои мысли. Горькой, совсем не мальчишеской улыбкой. Зря он переживал о сестрёнке. Холод прокрался в дом, и девочка прокашляла ползими. Однажды она перестала кашлять. Тогда и перестала дышать.

Обычно на похороны являлся юродивый, но в этот раз он не пришёл. Поговаривали, что его не видели всю зиму. Мужики думали, что он погиб. Но Ваня знал: он где-то там, в чаще, вместе с волколаком. И горькая, но ясная мысль обожгла лоб: ни волколака, ни старика не найти, если они не захотят.

С этого дня Ваня поклялся узнать правду о юродивом и волколаке. К его удивлению, зимой никто не пропал. А весной мать с подругами пошли в Домнино и не вернулись. Зеваки болтали, что крови на дороге было так много, что с тех пор тот путь зовут «Алым». Ночью Ваня соорудил факел и прокрался на место бойни. Он не понимал, почему не боится, но нутром чуял – волколак его не тронет. Кровь, ошмётки тел – ничего не разбредило сердце маль-

чика. Обойдя место бойни, он привалился к дереву. Шершавая кора похлопала по спине, а ветер бросил на плечо Вани обрывок лохмотьев. Мальчик сжал в кулаке крохотную тряпочку. Юродивый. Те лохмотья он ни с кем не перепутает. Ваня посмотрел в усеянное звёздами небо. Наконец он дал волю слезам. Мальчик плакал, пока не захрипел, а буйство розового рассвета стало невыносимым. Тогда, глядя в лицо всем богам, он поклялся убить юродивого.

Дома Ваня рассказал отцу о находке. Тот замычал, невидяще глядя в потолок. Так можно рассказывать любую весть: теперь отец целыми днями мычал и глядел в потолок.

Страшные годы настали, смутные. Семью Вани сторонились: считали проклятыми. Одно радовало: батя пришёл в себя. Спустя два года он смог выйти на крыльцо. Целыми днями папа сидел, подставив лицо солнцу, пока Ваня отгонял мальчишек, которые кричали отцу, что он покойник. Но в глубине души Ваня был согласен: батя выглядел так, словно вернулся из ада – худой, седой, с дрожащими руками и исчезнувшим за шрамами лицом.

На годы Ваня забыл о юродивом и данной клятве. Всё, чем он занимался: искал еду. С каждым летом мышцы крепили и из мальчика он превращался в отрока, а после – в мужчину. Деревеньки уже забыли историю гибели Ваниных братьев, а «Алый путь» стал сказкой, которой пугали малышей.

Каждый день он следовал одному ритуалу: молился, целуя подаренный крест, а в тёплую погоду помогал бате дойти до крыльца. Иногда отец понимал сына, иногда нет. В моменты просветления он кивал на пицаль, и Ваня клал её мужчине на колени. Так тот и сидел: как пугало с начищенным оружием.

Однажды Иван пошёл на охоту. По той дороге к болоту он больше не ходил. Шестое чувство подсказывало, что если он не снимет крест, то волколак не покажется. Порой он хотел снять крест и сразиться, но кто позаботится об отце, если тварь победит? С этими мыслями Ваня ушёл от дома за пять вёрст и готовился к ночлегу в тени берёзовой рощи. Стояла середина лета, комары успокоились, а костёр отгонял мерцающие вдали волчьи глаза.

– Помогите, – раздался голос с неба.

Иван вскочил. Пицаль, которая в детстве казалась огромной, легла в натренированные руки. Уловка юродивого? Или путник, которому нужна помощь? Не мешкая, Иван пальнул в воздух. Запах пороха зашекотал ноздри, грохот затопил уши. Десятки волчьих лап рванули вдаль. Лишь один волк – серый, со шрамами как от ударов кнутом, вышел на поляну. С ненавистью он глядел на человека – и было в ней презрение пред трусом с запахом пороха на руках.

Иван положил оружие на землю. Показал волку ладони. Один на один. Я и ты. Волк оскалил клыки – и... рванул в кусты, собрав ожерелье из репейника.

– Я тут...

Голос принадлежал тени с дерева. Иван хмыкнул: угораздило же бедолагу забраться! Метрах в семи над землёй, едва не сливаясь со стволом, дрожал человек. То ли случайный путник, то ли нет – Ивану было всё равно. Он разделил со странником ужин и ночлег.

Путником оказался дворянин Шестов из Домнино. Главный человек в округе. Он с мужиками пошёл на медведя, да попали на волков. Друзья разбежались, а он – укрылся на дереве.

Наутро Иван собрал отца, пожитки и угрюмые кивки односельчан. Он переезжал в Домнино. Тем утром он стал вотчинным старостой – о таком мальчишка и мечтать не мог. Вместе с Иваном в Домнино переехали и старые мысли: ночами, когда он курил самокрутку и слышал мычание отца, Иван думал о юродивом и волколаке. Думал и о волке, бросившем на него презрительный взгляд. Когда самокрутка жгла пальцы, он делал полную горечи

затяжку и представлял, как встретит их всех. Сразится с каждым. Каким бы не был крест, спина крепче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.